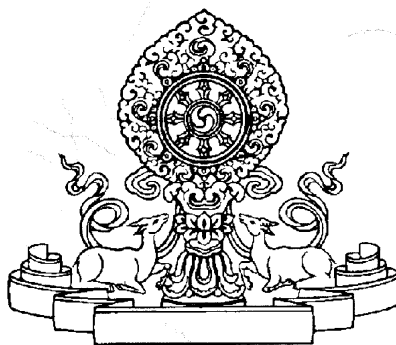


Местная буддийская религиозная организация
«Буддийская община «Сангье Чхо Линг»»

Б. С. Гречин

ОСНОВЫ БУДДИЙСКОЙ ЭТИКИ И ДОГМАТИКИ

конспекты лекций



Ярославль
2015

УДК 294.3
ББК 86.35
Г81

Г81 **Б. С. Гречин**
Основы буддийской этики и догматики / Б. С. Гречин. —
Ярославль: Местная буддийская религиозная организация
«Буддийская община “Сангье Чхо Линг”», 2015. — 60 с.

ISBN 978-1-3704664-0-5

Эта небольшая книга представляет собой конспекты лекций по основам буддийской этики и догматики и используется в Буддийской воскресной школе при Местной буддийской религиозной организации «Буддийская община “Сангье Чхо Линг”» г. Ярославля. Конспекты одобрены учебно-методическим советом буддийской общины.

УДК 294.3
ББК 86.35

© Б. С. Гречин, текст, 2012

© Местная буддийская религиозная организация
«Буддийская община “Сангье Чхо Линг”», 2015

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
I. ОСНОВЫ БУДДИЙСКОЙ ДОГМАТИКИ	6
1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ БУДДИЗМА	6
А. Корневые понятия.....	6
Б. Онтологические понятия	9
В. Сотериологические понятия	14
2. ДВЕНАДЦАТЬ НИДАН	17
3. ЧЕТЫРЕ БЛАГОРОДНЫЕ ИСТИНЫ. ВОСЬМЕРИЧНЫЙ ПУТЬ	22
II. ОСНОВЫ БУДДИЙСКОЙ ЭТИКИ	33
1. ОТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА К БОГУ, СВОБОДНОЙ ВОЛЕ,	33
НАСИЛИЮ	33
2. ОТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА К БРАКУ И ЛЮБВИ	40
3. ОТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА К НАСЛАЖДЕНИЮ, СЧАСТЬЮ,	46
СВОБОДЕ.....	46
4. ОТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА КО ЗЛУ И СТРАДАНИЮ	51
5. ОТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА К МИРУ И РЕЛИГИИ.....	56

ВВЕДЕНИЕ

Курс «Основы этики и догматики буддизма» является для изучающих буддизм в Воскресной школе при буддийской общине «Сангье Чхо Линг» вводным или (как принято говорить в педагогике) пропедевтическим, то есть подготовительным. Разумеется, он не может заменить фундаментальные знания пяти великих наук буддизма (нравственной дисциплины, или *Винайи*; феноменологии, или *Абхидхармы*; логики, или *Праманы*; добродетели мудрости, или *Праджня Парамиты*; и философии Срединного Пути, или *Мадхьямаки*), которые изучаются в буддийских университетах, а также, в сокращённом виде, в нашей общине.

С другой стороны, некоторые люди, изучающие буддизм, не стремятся познакомиться с ним в «монастырском» объеме, а чувствуют достаточным для себя изучение самых основ этики и догматики буддизма.

А для тех, кто всё-таки стремятся к глубокому осмыслению буддизма, курс «Основы этики и догматики» тоже окажется полезным. Дело здесь – не только в необходимости усвоения некоторых базовых понятий. Дело в том, что в отношении почти каждой религии (и, шире, в отношении почти любой области человеческого знания) существует набор житейских стереотипов, устойчивый, но далёкий от действительности. Может быть, девять десятых зрителей остросюжетных фильмов убеждены в том, что работа детектива в основном состоит из погони за преступниками по крышам домов, но это не означает, что молодой специалист, приступивший к работе следователя, должен подражать именно этому образцу поведения. То же верно и в отношении религии. Желая серьёзно изучать буддизм должен вначале «демонтировать» в своём сознании эти стереотипы, чтобы дальнейшее познание Учения Будды стояло на прочном фундаменте понимания сути буддизма и не было омрачено предвзятыми идеями.

Изучение курса «Основы этики и догматики буддизма» в Воскресной школе при буддийской общине «Сангье Чхо Линг» следует плану, приведённому ниже.

- 1, 2. Основные понятия буддизма.
3. Отношение буддизма к Богу, свободной воле, насилию.
4. Двенадцать нидан.
5. Отношение буддизма к браку и любви.
6. Отношение буддизма к наслаждению, счастью, свободе. Отношение буддизма к миру и религии.
7. Отношение буддизма к страданию.

8. Четыре благородные истины.

Тем не менее, для сохранения смысловой целостности отдельных тем мы разделили это небольшое пособие на две части. Первая часть посвящена основам буддийской догматики, вторая – основам буддийской этики.

I. ОСНОВЫ БУДДИЙСКОЙ ДОГМАТИКИ

1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ БУДДИЗМА

Для простоты и удобства разделим понятия, о которых пойдёт речь в этом разделе, на три части:

- 1) корневые понятия;
- 2) понятия мироустройства;
- 3) понятия, связанные с путём к Пробуждению.

Для тех, кто любит сложные слова, понятия второй группы мы можем назвать онтологическими (от термина *онтология* – описание мироустройства), понятия третьей группы – *сотериологическими* (от термина *сотериология* – путь ко спасению).

A. КОРНЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Триратна (Три драгоценности)

Буддизм начинается с *Триратны*, Трёх Драгоценностей, а именно:

- Пробуждённого, Будды (санскр. *буддха*, тиб. *сангье*),
- Учения Пробуждённого (санскр. *дхарма*, тиб. *чхо*),
- общины (санскр. *сангха*, тиб. *гендюн*).

Начинается в буквальном смысле: «вхождение» в буддизм происходит с того момента, когда человек произносит формулу:

*Я избираю Будду своим Прибежищем,
я избираю дхарму своим Прибежищем,
я избираю сангху своим Прибежищем.*

Так как мы, буддисты, считаем, что такое избрание может сделать лишь сам человек, а самый ранний возраст самостоятельного решения – семь лет, то и принятие Прибежища (иначе говоря, становление буддистом) для человека возможно лишь с семи лет. Раньше этого срока никакой ритуал не может человека сделать буддистом.

Но почему эти три объекта считаются драгоценными и чем вообще они являются?

Будда

Будда в первом значении слова – это человек, совершенно по своей природе подобный нам, но достигший высочайшей степени святости и мудрости, которая в буддизме называется Пробуждением.

Достижение этой ступени не субъективно, а отмечено рядом свойств или особых способностей, среди которых – способность в точности знать свои прошлые рождения; способность беспрепятственно познавать мысли других существ, даже тех, которые находятся на значительном удалении; способность проникать сознанием в иные миры; способность в любой момент воплотиться в любом мире, включая адские области – и ряд других выдающихся способностей. «Буддство» невозможно подделать или симулировать.

Будда настоящей эпохи – это Будда Шакьямуни (Отшельник из рода Шакьев), также известный по своему мирскому имени как Сиддхартха Гаутама (Сиддхартха – Его личное мирское имя, Гаутама – родовое).

Во втором значении слова *будда* есть пробуждённое существо огромной, непознаваемой для нас духовной величины и силы, существование которого мы можем постичь лишь с большим трудом. Именно в этом значении используют слово, когда говорят, например, о будде Амитабхе (хранителе чистой земли или «рая»), будде Вайрочане или иных пяти дхьяни-буддах («буддах созерцания»).

Написанное с большой буквы, слово Будда понимается как личное имя и обычно обозначает Будду Шакьямуни. То же слово, написанное с маленькой буквы, означает любого будду из живших раньше или существующих сейчас.

Будда Шакьямуни драгоценен для нас, буддистов, как Великий Учитель и непреходящий образец человечности, как человек, в полной мере победивший свои человеческие несовершенства и давший нам указания о том, как мы сами можем достичь этой победы.

Будда как космический принцип (например, Адибудда или Первобудда) важен для верующих потому, что Его образ представляет Высшее начало, существующее во Вселенной. В известном смысле можно отождествить это начало с христианским Богом, при этом, однако, нужно помнить, что мы, буддисты, не наделяем Высшее начало рядом признаков, присущих Богу в представлении некоторых христиан.

Дхарма

Дхарма (от санскритского корня *дхри* со значением «держат») есть Учение Будды. Итак, дхарма – это, с одной стороны, все знания, накопленные учёными буддийскими мудрецами, вся *Summa Theologica*,

которая с трудом умещается в 333 форматах Северного канона, все слова, которые в том или ином виде говорят о духовных истинах.

С другой стороны, *дхарма* есть то, что стоит за этими словами и имеет существование вне зависимости от того, осознаём мы это существование или нет. Дхарма – это духовные законы, по которым развивается мир и совершенствуется человеческое сознание.

Именно знание и соблюдение этих законов приближает нас к Пробуждению, высшему идеалу праведности, чистоты и счастья.

Дхарма, согласно своему корню, есть то, что удерживает человека от скотского существования и даёт его жизни нравственную основу. Дхарма есть начало и самый исток буддизма. Она существовала до осознания её Буддой Шакьямуни и будет существовать (в виде законов) даже тогда, когда человек забудет эти законы. Дхарма есть, в известном смысле, «святой дух» буддизма, из Трёх драгоценностей она наиболее важна. Человек может скептически относиться к исторической личности Будды, но, следуя благим нравственным законам, он уже продвигается к Пробуждению. Напротив, человек, славословящий Будду, но не следующий нравственным истинам, не может быть назван хорошим буддистом.

Сангха

В самом начале буддизма под *сангхой*, или собранием, понималась только община учеников Будды, после смерти Пробуждённого – монашеская община, наконец, сейчас сангхой называют, во-первых, всех верующих буддистов, во-вторых, любое их объединение, в том числе, объединение верующих мирян.

Каждый может достичь Пробуждения и в одиночку. Однако путь к Пробуждению значительно облегчается в сообществе единомышленников. Сложно бороться против недоброжелательства мира, который отвергает все бескорыстные мотивы и воспринимает любую деятельность, не ведущую к наслаждениям, росту благосостояния или известности, в лучшем случае как глупость. Но несколько человек, объединившись, уже могут устремиться к цели более уверенно.

Сангха создаёт необходимый настрой, духовное поле, иначе говоря, атмосферу, пригодную для труда над собственным сознанием. В сангхе человек стыдится проявить свои дурные качества, которые он мог бы обнаружить наедине с собой или своими близкими; напротив, он стремится следовать лучшим образцам человеческого поведения. Это не предполагает никакого лицемерия, а если некто вдруг становится святошей, община видит это и указывает человеку на его ошибки.

Сангха выполняет важную задачу: она следит за каждым из членов

общины, помогает ему в случае нравственных шатаний, предостерегает от нравственных падений, даёт возможность искупить уже совершившиеся проступки (например, через публичное покаяние). Разумеется, только тогда община будет успешно выполнять свою задачу, когда все её члены будут объединены полной искренностью и настоящей, нелицемерной доброжелательностью друг к другу

В некотором смысле сангха буддистов-монахов представляет собой образец коммунистической общины (созданной, например, в практике коммунистического воспитания А. С. Макаренко). В общине мирян личная собственность, разумеется, сохраняется, но, разумеется, по желанию всех общинников возможна материальная помощь из общих средств тем членам общины, которые находятся в стеснённых обстоятельствах, не говоря уже о других видах бескорыстной помощи (советом, трудом и так далее).

Разумеется, нужно принимать во внимание и отличия: буддийская община не основывается на идеологии материализма, не воспитывает ненависть или презрение к идеологическим врагам, не опускается до «травли» провинившихся, не стремится подчинить волю отдельного человека воле коллектива, а, напротив, охраняет индивидуальность каждого своего члена и стремится к наиболее полному раскрытию способностей каждого.

Именно поэтому сангха и считается третьей буддийской драгоценностью.

Б. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Три атрибута мира

Тремя атрибутами всех вещей, с буддийской точки зрения, являются:

- страдательность (санскр. *дуккхата*, тиб. *дугнгэлва*),
- изменчивость (санскр. *анитьята*, тиб. *митагна*),
- бессамость, или отсутствие в вещах собственного «Я» (санскр. *анатмата*, тиб. *дагмэпа*).

В северном буддизме к этому списку иногда добавляют четвёртый атрибут – пустотность (санскр. *шуньята*, тиб. *тонгва*). Но при этом можно сказать, что пустотность обусловлена бессамостью и является другим её аспектом.

Итак, что же понимать под этими атрибутами и зачем знать про их существование?

Страдательность

Под *страдательностью* понимается то, что все вещи окружающего нас мира так или иначе неблаги и способны приносить нам страдание. Вообще, страдание – естественное состояние нашего ума, мы испытываем страдание всегда, только наша невнимательность мешает нам осознать это.

Ряд медитаций позволяют человеку понять, что каждое наше действие, движение, восприятие по своей сути страдательно. Достаточно нам просто остановить постоянный бег мысли, прислушаться к собственному телу, как мы ощутим те или иные болевые импульсы. Вскоре нам захочется изменить положение тела – и это будет связано с болью, порождаемой телесной неподвижностью. Нам захочется разговаривать с другими людьми, читать или смотреть телевизор – и это будет связано с болезненными ощущениями ума, произошедшими от неподвижности мысли.

Буддизм осознаёт страдательность мира совсем не для того, чтобы погрузиться в чёрную бездну отчаяния. Страдательность – просто данность, на существование которой глупо закрывать глаза. При этом страдательность мира вовсе не противоречит (как некто мог бы подумать) иудейской или христианской идеи о *благодати* мира. Мир может быть благ. Но он также страдателен. С точки зрения буддиста, нелепо подчёркивать благодать мира, ведь осознание благодати не порождает устойчивой мотивации. Такое осознание может, самое большее, вдохнуть в нас кратковременный энтузиазм, угасающий через какое-то время. А вот ощущение страдательности всего и всегда способно пробудить в нас устойчивое желание найти подлинный источник счастья, которое заключается в окончательном Освобождении и к которому человек приближается через воспитание добродетели и развитие сострадания.

Изменчивость

Изменчивость всех феноменов есть их изменение и конечность. С психологической точки зрения это означает, что нет никакого постоянного, вечного материального объекта, к которому мы могли бы прикрепиться, также нет ни одного чувства или состояния, которое не заканчивалось бы. Задача человека – найти посредине изменчивости мира устойчивую точку. Сделать это невозможно без практики религии, говоря иначе и точнее, без практики нравственной жизни.

Бессамость

Казалось бы, очевидно, что внешние материальные вещи лишены «Я», то есть *бессамостны*. Но повседневная жизнь показывает, что для огромного большинства людей это вовсе не очевидно. Мы бессознательно наделяем вещи «подобием Я», когда, во-первых, порожаем мысль об обладании («мой автомобиль»), во-вторых, приписываем вещам наши собственные характеристики и полагаем, что эти характеристики существуют вне зависимости от нашего или чужого «Я», то есть по образцу самостоятельного сознания. От бессознательной готовности наделить вещь «характеристикой Я» («стильный автомобиль») – очень маленький шаг до мысли о существовании объективного, независимого от нас счастья или страдания, которое содержится в вещах. Если уж «автомобиль» является «стильным», то именно обладание им делает счастливым, а его отсутствие – несчастным, таков обычный (и малоосознанный) путь рассуждения людей, которые при этом будут убеждать вас, что прекрасно поняли мысль об отсутствии самостного существования. Само страдание этих людей есть лучшее доказательство того, что ничего они про это бессамостное существование не поняли.

Подробнее идеи бессамостности и пустотности вещей развивает курс добродетели мудрости (Праджня Парамиты).

Три корня зла

Каждый из трёх атрибутов способен породить в нас тот или иной вид страдания.

Первый рождает страдание в чистом виде, то есть *страдание страдания*.

Второй (как боль от расставания с тем, что завершается, или как утомление от длительного однообразного ощущения) – *страдание изменчивости*.

Наконец, третий (ложная идея о самостности и абсолютном существовании вещей) – *внутренне присущее страдание*.

Первый вид страдания при этом больше всего связан с гневом, второй – с вожделением, третий – с невежеством.

Гнев, вожделение и невежество есть *три корня зла*, три основных дурных чувства человека. Изображаются они в виде злобной змеи, похотливого петуха и глупой свиньи.

Главным из корней зла является невежество.

Все наши внутренние препятствия в том или ином виде происходят от этих трёх корней зла. Так, например, ревность рождается от гнева в

сочетании с невежеством, которое в случае ревности проявляется как мысль о счастье через обладание другим человеком, гордость – от невежественной веры в значимость собственного я и алчной жажды самоутверждения, разновидности вожделения.

Сансара и нирвана

Сансара есть неблагое существование огромного большинства людей. Оно, это существование, нехорошо потому, что наполнено страданиями, не ведущими к Освобождению и Абсолютному счастью, а самое главное, потому, что эти страдания не имеют ни начала, ни конца. Страдания повседневной жизни заставляют нас устремляться к счастью, но так как мы не понимаем природы истинного счастья, мы стремимся к наслаждению и на пути к нему сеем семена новых страданий. Подробнее о том, как это происходит, будет рассказано в теме «Двенадцать нидан».

Так как ошибки, совершаемые человеком, человеческие суетные желания и суетные поступки повторяются, говорят о *колесе сансары*. Вращение этого колеса заключается, помимо прочего, в постоянных, всё новых и новых рожденьях. Рождение – смерть – пребывание в благом или неблагом посмертном состоянии – новое рождение. Так совершается оборот колеса.

Сансаре противоположна *нирвана* как абсолютное благо, свобода от греха и омрачённого бытия. Вхождение в нирвану иногда называется Освобождением (санскр. *найрьяниката*, тиб. *нгеджин*).

Совершенно *ложным* является взгляд на нирвану как на прекращение всяческого сознания или аннигиляцию сознания. Нирвана в древних текстах описывается апофатически, то есть в отрицательных терминах. «В нирване нет желания, нет глаза, нет уха, нет воспринимающего, нет объекта...» Видимо, именно эти описания привели людей, мало знакомых с буддизмом, к нелепому выводу о том, что в нирване нет ничего, а сама она является полным угасанием сознания.

В противоположность этому истина состоит в том, что нирвана есть *сверхсознание*: бытие, свободное от страдания, но наполненное такой интенсивностью существования, которой мы просто не в состоянии представить.

С одной стороны, вхождение в нирвану заставляет говорить о прекращении узкого существования личности. С другой стороны, с момента вхождения в нирвану не существует ни одной частицы Вселенной, в котором бы не содержалось это нечто, что раньше мы называли человеческой личностью.

Существуют впрочем, разные виды нирваны, некоторые из которых не предполагают прекращения личностного существования, что

изучающий узнает в своё время. Сейчас достаточно знать то, что нирвана есть состояние, почти непознаваемое для нас (парадокс в том, что невошедший в нирвану не знает о ней, а вошедший почти не имеет возможности о ней рассказать), но лишённое страданий перевоплощений, отмеченное интенсивным счастьем познания и полнотой бытия.

Карма

Карма (санскр. *карман*, тиб. *лэ*, букв. «работа», «активность»), в самом общем смысле есть результат действий человека, с которым он встречается в окружающем мире или в самом себе.

Карма очень часто понимается как воздаяние, которое человек получает за свои дурные поступки – и, соответственно, как награда за хорошие. Это понимание является, в известной мере, верным, но неточным. Если мы склонны видеть в карме воздаяние, мы должны, как минимум, помнить несколько важных моментов:

1. Кармическое воздаяние совершает не Бог (как склонны думать некоторые христиане): карма есть следствие действий самого человека. Мы сами награждаем или наказываем себя следствием наших поступков.

2. Кармический закон действует бессознательно и слепо, он не знает исключений ни для кого, поэтому нельзя приписывать ему ни разумность, ни какую-то особую «нравственную силу». В некоторых случаях (например, для преступника, который после отбытия срока заключения раскаивается) оно, скорее, благотворно, в других (например, в случае талантливого проповедника, которому болезнь мешает закончить дело его жизни) – злосторно.

3. Карма не содержится где-то вне человека. *Единственный посредник для хранения и переноса кармы есть наше собственное сознание.*

Почему это так и каким образом сознание (а именно, склонность к восприятию вещей и приданию вещам наших моральных оценок) переносит карму, объясняется в курсе Абхидхармы.

Всё это не означает, что, заменив одни мысли на другие, мы будем способны изменить и даже отменить свою карму. Карма действительно хранится в сознании, но пребывает там в виде *биджу*, семян кармы, устойчивых образований. Формируются семена кармы не мимолётными мыслями, но поступками и, более всего, сознательными решениями, благими или неблагими.

Поступок может быть совершён, но совсем не обязательно приведёт к результату: говоря буддийским языком, *совершённая* карма не всегда бывает *накопленной*, не всегда «записывается в сознание». Наибольшее значение при накоплении кармы имеет сознательность действия. Так, убийство для убийцы часто имеет следствием тяжёлую карму в виде

насильственной смерти или телесных повреждений. Но врач, нечаянно давший своему пациенту смертельный яд и убеждённый в том, что дал больному лекарство, не накопит кармы убийства, так как не будет желать этого убийства.

Подробнее о видах кармы и её связи с нравственными поступками человека излагается в курсах Ламрима и Абхидхармы.

Трикайя

Трикайя (существует также написание «трикая») – это «трёхтелесность» будды (любого будды, а не только Будды Шакьямуни). С помощью этой трёхтелесности можно описать и окружающий мир.

Самое простое тело, в которое может облечься будда, – это **нирманакайя**, то есть «простое тело», тело из плоти и костей.

Соответственно, **уровень нирманакайя** – это уровень тех вещей, которые мы воспринимаем нашими органами чувств, говоря иначе, наш физический мир.

Более совершенное тело – **самбхогакайя**, то есть «тело счастья», «тело блага». Это тело может иметь непредставимые для нас цвета и формы и позволяет будде путешествовать по «мирам Вселенной».

Соответственно, **уровень самбхогакайя** – это уровень миров, недоступных нашему обычному восприятию, но доступных для нас при глубокой концентрации или открытии сверхчувственных способностей.

Наконец, имеется наиболее совершенное тело будды – **дхармакайя** или тело Учения. Это тело, в котором будда пребывает «сам в себе», на высших планах бытия, тело чистой буддовости.

Соответственно, **уровень дхармакайя** есть высочайший уровень существования.

Но так как про Адибудду (Первобудду) можно говорить, что он своим существованием охватывает все явления, дхармакайя есть высший аспект существования, то, что можно назвать Абсолютом.

Подробнее о телах будды и планах бытия можно узнать из курсов Праджня Парамиты и Абхидхармы.

В. СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Благородным истинам и Благородному восьмеричному пути посвящена отдельная тема. Однако существа, находящиеся на разных стадиях Пути к Пробуждению, имеют в буддийской традиции разные названия. Вот некоторые из этих названий:

- шравака;
- пратьекабудда;
- архат;
- бодхисаттва.

Шравака

Под *шравакой* (санскр. «слушатель») понимается не вполне совершенный человек, человек так называемого *низшего типа личности*, то есть тот, кто готов изучать (слушать) Учение Будды, но ещё во многом захвачен мирскими страстями, далёк от серьёзной практики добродетели и (в практической жизни, а не в философствовании или заявлениях перед знакомыми) не ставит перед собой цели безусловного Пробуждения. Целью такого человека, когда он обращается в религии, становится «накопить духовные блага», «реализовать свой потенциал» и так далее, что, в конечном итоге, приведёт его к новому рождению в теле человека.

Пратьекабудда, архат

Пратьекабудда переводится как «будда-одиночка». Здесь важно понять, что под пратьекабуддой понимается не человек, достигший буддства, а некто, *идуший путём* пратьекабудд, «будд-одиночек». Это слово имеет два значения. С одной стороны, пратьекабуддами называют практиков, которые не имеют учителей и до всего доходят «своим умом». С другой стороны, так традиционно обозначают людей *среднего типа личности*, то есть тех, кто между мирскими и духовными целями сделал сознательный и серьёзный выбор в пользу последних, кто осознанно устремился к окончательному Пробуждению – но при этом ещё не готов посвятить себя активному бескорыстному служению другим людям.

Некто, прошедший путь «средней личности» до конца и достигший «малой нирваны», «нирваны для себя», называется в буддийской традиции *архатом*.

Бодхисаттва, махасаттва, бодхичитта

Слово «*бодхисаттва*» (буквально «тот, чья сущность – Пробуждение») вновь имеет два значения.

Любой человек, поставивший благо других людей выше собственного и совершающий бескорыстную помощь другим существам (ради их итогового Освобождения), может быть назван бодхисаттвой. Само чувство активного сострадания, соединённое с желанием окончательного Освобождения существ, есть неременный признак любого бодхисаттвы и

называется *бодхичиттой*, то есть «пробуждённым умом» (обычно бодхичитту переводят как «просветлённый настрой»).

Среди бодхисаттв-людей есть тоже своё деление: так, различают:

– бодхисаттву намерения (того, кто лишь желает помогать всем живым);

– бодхисаттву бодхичитты действия (того, кто от слов перешёл к делам);

– бодхисаттву бодхичитты действия, принявшего обеты бодхисаттвы.

Догматически считается, что любой человек, исповедующий *махаяну* или великую колесницу (так иногда называют северный буддизм), является бодхисаттвой и устремлён к Освобождению других людей. Так это или нет, каждый буддист должен оценить сам. Нравственное достоинство и устремления верующих людей, увы, не всегда соответствуют высоким требованиям религии, которую эти люди исповедуют.

Во втором значении *бодхисаттвы* – могущественные сверхчеловеческие существа, помогающие человеческому движению к Освобождению, не столь совершенные, как будды, но всё же имеющие огромные силы. Иногда их, для отличия от бодхисаттв-людей, называют *махасаттвами*, то есть «великими бодхисаттвами». Махасаттв отчасти можно сравнить с ангелами и архангелами христианства.

Некоторые бодхисаттвы-махасаттвы по своему значению равны буддам, а слово «бодхисаттвы» используется, чтобы подчеркнуть их сострадательный характер и близость к человеку.

Будда Шакьямуни может быть назван, и иногда называется Бодхисаттвой, тем не менее, чаще говорят о нём как о Будде, так как не каждый бодхисаттва достиг буддства, окончательного Освобождения.

Подробнее о трёх типах личности можно узнать из курса Ламрима, о характеристиках бодхичитты – из курса Праджня Парамиты, об обетах бодхисаттвы – из курса Мадхьямаки, о махасаттвах – из курса «Введение в буддизм» (тема «Космология»).

Лама

Разговор о типах личности был бы неполон без понятия «лама». *Лама* также считается четвёртой драгоценностью, с этой точки зрения параграф о ламе можно поместить и в раздел корневых понятий.

Тибетское слово «лама» означает «выше нет». Точным аналогом «ламы» является санскритское слово «гуру». Итак, лама есть духовный учитель.

И снова мы должны признать то, что слово «лама» имеет несколько значений.

Тот, кто вступил на путь нравственного роста, должен признавать и называть *ламой* любого человека, научившего его «хотя бы одной строчке молитвы, или хотя бы одному слову из этой строчки».

Тот, кто сам стремится к наставничеству, должен понимать, что *ламой* может быть назван лишь опытный наставник, признанный другими людьми в качестве наставника.

Наконец, *лама* – это традиционное уважительное обращение к любому монаху, похожее на христианское обращение «отец» к любому монашествующему. Это обращение применяется вне зависимости от того, выполняет ли монах в своём монастыре труд наставника или нет.

Итак, вот три значения слова «лама»:

- любой человек, преподающий другим Учение Будды;
- опытный мастер-наставник, признанный другими людьми в качестве духовного учителя;
- традиционное обращение к монаху в северном буддизме.

Почему лама признаётся четвёртой драгоценностью? Потому, что именно он открывает доступ для первых трёх, то есть знакомит ученика с образом Будды, разъясняет Дхарму и организует сангху.

Выше были объяснены достоинства сангхи. На практике часто случается так, что верующие не могут организовать себя сами, не способны коллективно принять покаяние или дать духовный совет. В этих случаях некоторые задачи общины фактически берёт на себя лама. Лама даёт своему ученику рекомендации, удерживает его от дурных поступков и мыслей, исповедует и определяет способ покаяния.

Подробнее о достоинствах и необходимых характеристиках ламы можно узнать из курса Ламрима.

2. ДВЕНАДЦАТЬ НИДАН

Слово «нидана» переводится с санскрита как нить, но заголовок «двенадцать нитей» был бы слишком неточен. **Нидана** – это звено цепи взаимозависимого происхождения. Проще на вопрос о том, что такое нидана не ответить, но очевидно, что и такой ответ далёк от ясности. Поэтому обратимся к описанию нидан, помня, что первая нидана порождает вторую, вторая – третью, и так – до двенадцатой, которая порождает первую, этим замыкая круг и вращая колесо существования, колесо сансары. Картинки-символы нидан обычно изображают по внешнему ободу этого колеса, которое также называется *бхавачакрой*.

Первая нидана носит название *авидья*, или невежество. Изображается она в виде слепого странника. О невежестве подробно сказано в теме «Четыре благородные истины».

Именно наша умственная слепота заставляет нас привязываться к «хорошим» вещам, отталкивать «плохие», совершать те или иные немудрые поступки для обладания «хорошими» вещами. Поступки создают результаты.

2

Так рождается вторая нидана – *самскара*, или «сотворённое», то есть кармические волевые импульсы и их результат. Её символ – горшечник, который лепит кувшин, так же, как наши поступки лепят наше будущее.

Говоря проще, самскара есть наша карма, находящаяся не где-то в «великой книге судеб» вне нас, но в нашем сознании, где она хранится в виде *биджу*, «семян сознания».

Эти семена разворачиваются и, после рождения ребёнка, обуславливают наше сознание: то, о чём и как мы думаем.

Говоря ещё проще, именно наша карма (результаты действий и решений) определяет место нашего рождения, семью, образование, которое мы получим, книги, которые будем читать, или отсутствие книг. Так вторая нидана формирует третью.

3

Сознание есть третья нидана. Она носит название *виджняна* и изображается в виде беспокойной обезьяны, оправдывая метафору «ум – обезьяна».

4

Сознание, наше и чужое определяет четвёртую нидану, одну из самых загадочных. Эта четвёртая нидана называется *намарупа*, что переводится как «имя и форма».

Намарупа есть мир, но не простой мир, а мир, вещам и событиям которого даны имена. Намарупа – мир, преломленный в сознании через язык. Можно даже сказать, что намарупа и есть сам язык. Разумеется, сознание человека создаёт язык, но и язык определяет сознание. И это полностью соответствует древним суттам Самьютта-никайи (собрания текстов, входящего в канон южного буддизма), согласно которым третья нидана порождает четвёртую, а четвёртая – третью, и обе взаимно

опираются друг на друга.

Слова делают больше, чем просто указывают на вещи. Они дают вещам характеристику, положительную или отрицательную. Фактически, именно слова создают двойственность нашего мышления. Ребёнок, выросший в верующей православной семье, воспринимает людей в рясе как «священников», пионер и юный ленинец тех же людей воспринимает как «попóв», и, что ни говорите, есть разница между «священниками» и «попáми», разумеется, и между отношением к первым и вторым.

Нидана изображается в виде лодки с путешественниками.

5

Сознание и поименованный мир определённым образом направляют восприятие. Восприятие – это пятая нидана, которая носит название *шадаятана* (шесть областей, иначе говоря, пять органов чувств и понимание). Изображается эта нидана в виде дворца (тела) с шестью окнами (через которые в сознание входит восприятие).

Опираясь на лексику и мышление врача, мы будем в окружающих людях видеть только болезни, опираясь на лексику и мышление профессионального циничного политика или социолога, мы рискуем вообще не разглядеть отдельных людей. Органы чувств врача, социолога или ламы одинаковы, но именно мышление включает и выключает их, заставляя нас в иных случаях смотреть и не видеть, слушать и не слышать.

6

Пятая нидана обеспечивает появление шестой, которая называется *спарша*, то есть соприкосновение. Наш ум приходит в соприкосновение с внешними объектами. Наглядно нидана представлена в виде мужчины и женщины, которые слились в объятиях.

7

Сразу после этого рождается седьмая нидана: *ведана*, то есть познание, точнее, ощущение. Увидев объект или коснувшись его, мы испытываем приятные или неприятные ощущения. Образ ниданы – стрела, вонзившаяся в глаз, – делает мысль о неприятности некоторых ощущений очень зримой.

8

Если ощущения приятны, это в случае обычного человека почти

неизбежно приведёт к рождению *танха*, восьмой ниданы, жажды приятного. (В соответствии с названием символический образ ниданы – человек, который пьёт и не может напиться.) Мы сели на мягкий стул, нам понравилось ощущение – и теперь всегда мы хотим сидеть на мягком. Мы испытали удовольствие от фильма – и теперь хотим регулярно испытывать подобное удовольствие от других фильмов. Примеры можно умножать бесконечно.

Если же ощущения неприятны, рождается *двеша*, отталкивание, то есть обратная сторона восьмой ниданы: танха с противоположным знаком.

9

Как бы там ни было, и жажда, и отвращение порождают девятую нидану: *упадана*, или привязанность, например, привязанность к ежевечернему просмотру фильмов. Обратная сторона упаданы – устойчивое отвращение к тому, что нас постоянно пугает или раздражает.

Образ ниданы – человек, собирающий плоды (плоды привязанностей).

10

Из многих наших привязанностей и неприязней складывается, по сути, здание нашей жизни, десятой ниданы, *бхава*. С утра, включая телевизор, мы подчиняемся импульсу одной привязанности, затем, предпочитая маршрутное такси автобусу, следуем другому устойчивому отвращению к переполненному салону, после работы покупаем не очень полезную, но привычную пищу, покорно выполняя волю ещё одной привязанности, и так далее. Так проходит жизнь.

Образ этой ниданы – беременная женщина. Символизм здесь в том, что наша жизнь закладывает семена нашего будущего рождения.

11

Жизнь с накопленной в ней кармой ведёт к новому воплощению, *джати*: самое простое понимание одиннадцатой ниданы.

Другое понимание заключается в том, что постоянная деятельность, постоянное вращение в колесе обязанностей рано или поздно приведут к осуществлению того, к чему мы стремимся, к «рождению» нового статуса или нового предмета. Вот простой пример: мы испытываем желание обладать определённой женщиной (танха), привязываемся к ней (упадана), изо дня в день ухаживаем за ней, заканчиваем каждый день

письмом к ней (бхава), и, рано или поздно, она становится нашей (джати).
Одиннадцатая нидана изображается в виде родов.

12

Джати ведёт к короткой радости обладания новым, но всё новое неизбежно становится старым. Старееет и приходит в негодность автомобиль, которым мы восхищались при его покупке; медленно разрушается построенный нами дом; ослабевает интенсивность чувств. То, что нас радовало, переживает старость и смерть: *джарамарана*. Это – финальная нидана. Символ её – старик на кладбище.

Старость и смерть вещей ведёт к нашему страданию, но это страдание, как правило, не делает нас мудрей, напротив, пробуждает, в одном случае, желание компенсировать страдание новыми наслаждениями, новыми приобретениями, в другом, – гнев, злобу, желание отомстить тем людям, которые, как нам кажется, стали причиной наших страданий... Мысль об этом прочно входит в наш ум, лишая мудрости. Так появляется невежество (первая нидана), образ которого (слепец на кладбище) так похож на изображение двенадцатой ниданы. Так замыкается круг нидан и вращается колесо сансары.

Есть ли возможность где-либо разорвать этот порочный круг? Разумеется, такая возможность есть.

Так, например, знание о религии приведёт нас к благим поступкам (самскара). Те воспитают наше сознание (виджняна) таким образом, что мы не будем обращать внимания (шадаятана) на недостойные, а лишь на достойные предметы. Если же нашему взору и предстанет (спарша) что-то искушительное, например, образ нагой женщины, обладание которой порождает приятные ощущения (ведана), мы сумеем избежать жажды (танха) и не сформируем привязанность (упадана).

Благородный восьмеричный путь на разных этапах стремится разорвать порочную цепь нидан:

– на этапе появления *авидья*, или невежества, ведя войну с невежеством правильным знанием;

– на этапе *самскара*, или создания кармы, противопоставляя дурным действиям и решениям правильные и благие поступки;

– на этапе появления *виджняна*, противопоставляя ленивому и порочному сознанию правильные мысли, которые определяют чистое сознание;

– на этапе *намарупа*, следя за чистотой нашего языка с помощью правильной речи и избегания тех словесных оценок, которые станут причиной наших страданий;

– на этапе *шадаятана*, *спарша* и *ведана*, внимательно отслеживая все

поступающие внутрь сознания ощущения с помощью правильного памятования, которое позволяет нам понять, что приятное – это всего лишь приятное, а неприятное – всего лишь неприятное, но не поводы для счастья или горя;

– и ещё иным образом на этапе *спарша*, уча нас избегать дурных объектов восприятия, не есть нездоровую пищу, то есть вести правильный образ существования;

– на этапе *танха*, стремясь разрушить и свести на нет появившуюся жажду аналитическим рассмотрением или концентрацией;

– на этапе *упадана*, противопоставляя ленивому инерционному появлению порочных наклонностей религиозное усердие по искоренению этих наклонностей;

– наконец, на этапе *джарамарана*, стремясь использовать отвращение к страданию и боли для того, чтобы обратить человека к изучению религии, породить:

- из страдания и боли – тоску по лучшему существованию;
- из этой тоски – размышление о нравственных основах жизни;
- из него – веру;
- из веры – религиозное усердие и практику;
- из тех – очищение сознания,
- ослабление и уничтожение пороков,
- мудрость,
- и, наконец, окончательное Освобождение.

Разумеется, цепь нидан – не электрическая цепь, и единичное её размыкание ещё не означает, что мы навсегда вырвались из лап *Мары* (буддийское обозначение дьявола). Буддист-практик прилагает усилия для того, чтобы на разных этапах заставить колесо из двенадцати нидан останавливаться всё чаще и чаще. Он трудится над тем, чтобы наше существование не напоминало существование роботов, над тем, чтобы один импульс не запускал другой с железной необходимостью, например, чтобы из боли не следовало автоматического страдания, как это происходит в случае огромного большинства людей, живущих механической жизнью. В случае искренней мотивации рано или поздно эти усилия увенчаются успехом.

3. ЧЕТЫРЕ БЛАГОРОДНЫЕ ИСТИНЫ. ВОСЬМЕРИЧНЫЙ ПУТЬ

В простейшем виде *Четыре благородные истины* (санскр. *чатвари арья сатьяни*, тиб. *пагпэй дэнпа жи*) буддизма формулируются так:

Существует страдание.

Существует причина страдания.

Существует Освобождение от страдания.

Существует Путь, ведущий к нему.

Эти истины кажутся очень простыми, но на самом деле большинство буддийских текстов в том или ином виде посвящено раскрытию их (в основном – разъяснению Четвёртой истины). Так, например, можно сказать, что многотомный «Ламрим» (букв. «Пошаговый путь») великого учителя Дже Цонкапы, полностью посвящён описанию поэтапного Пути к Пробуждению. Взглянем на эти истины подробнее.

Существует страдание

Существование страдания самоочевидно. В известной степени можно сказать, что именно это существование придаёт смысл существованию религии (и не только буддизма, а любой религии). Если бы человек был абсолютно счастлив, необходимость в религии просто отпала бы. Устойчивое существование религии доказывает, что технический прогресс и вся мощь науки неспособны сделать человека хоть сколько-нибудь более счастливым.

Существует причина страдания

Причиной страдания являются разнообразные человеческие аффекты. Эти аффекты истекают из трёх корней зла. Они, в свою очередь, берут начало в невежестве.

Однако под невежеством в Учении Будды понимается вовсе не простое отсутствие книжных знаний, иначе качественное образование уже могло бы сделать человека счастливым, а это, увы, совсем не всегда так.

Невежество есть непонимание духовных законов, основной признак невежества – наша устойчивая, врождённая склонность давать вещам (точнее, нашему восприятию вещей) оценки, разделяя вещи на приятные и неприятные, «хорошие» или «плохие» несущие лично нам счастье или страдание. Эта склонность, происходящая из непонимания пустотности (бессамостности) вещей, может быть названа *двойственным видением*. Обе оценки («хорошо» и «плохо») опасны и порождают страдание.

В нашей комнате имеется стул. Если мы маркируем в своём сознании этот стул как «хороший», мы иллюзорно верим, что в самом стуле содержится частица нашего счастья. Так мы своими руками складываем фундамент своего страдания, которое испытаем, когда стул разрушится, будет украден, позаимствован соседом или получит от наших гостей низкую оценку.

Если мы считаем стул «плохим», путь к страданию ещё проще. Мы

страдаем, имея «плохой» стул, постоянно вспоминаем о его несовершенстве, когда садимся на него, стыдимся «плохого» стула перед соседями, стремимся заработать больше денег, чтобы купить «лучший» стул, в процессе зарабатывания денег страдаем от рутины работы, переутомления и т. д.

Самое поразительное, что один и тот же стул будет назван «хорошим» и «плохим» двумя разными людьми или даже одним и тем же человеком в разные периоды его жизни.

Верное для неодушевлённых предметов будет верным, разумеется, и для людей, которых мы знаем.

Существует Освобождение от страдания

Освобождение от страдания, безусловно, существует. Об этом говорят нам и свидетельства духовных наставников, и простой здравый смысл. Если имеется некое состояние, должна быть и противоположность ему. В четырёх благородных истинах страданию противопоставлено Освобождение, а причине страдания (порочному и невежественному поведению) – Путь к Освобождению, иначе говоря, Причина Освобождения: поведение добродетельное и мудрое.

Если же мы представим себе, что Освобождения от страданий нет, то смысл теряет не только изучение этого конкретного небольшого пособия, но и всё человеческое существование. Какой смысл вообще имеет вся философия и сама жизнь, если человек страдает и страданию этому нет конца?

Существует Путь к Освобождению

Путь к Освобождению – это не что иное, как **Благородный восьмеричный путь** (санскр. *арьяштангика марга*, тиб. *пхаглам янлаг гье*), состоящий из восьми частей:

- *правильные знания,*
- *правильное размышление,*
- *правильные слова,*
- *правильные поступки,*
- *правильный способ существования,*
- *правильное усердие,*
- *правильное памятование,*
- *правильное сосредоточение.*

Это краткое перечисление навыков в сжатом виде представляет весь «Ламрим» с его описанием порядка Пути.

Вступающий на путь начинает с религиозного обучения и формирует

верное воззрение, истинные представления о воздаянии, природе добра и зла, ответственность за поступки и т. д.

Затем, на этапе низшей личности, он упражняется в избегании десяти зол и совершении десяти благих поступков, которые вкратце сводятся к благим деяниям тела, речи и ума (правильные мысли, слова поступки).

После, на этапе средней личности, усердствует в обуздании своих омрачений, или *клеш* (ед. ч. – клеша).

Наконец, на этапе высшей личности, упражняется в воспитании шести добродетелей: четырёх обычных (сострадательная щедрость, самоконтроль и дисциплина, кроткое и невозмутимое терпение, усердие в совершении добра и религиозной практике, иначе *дана*, *шила*, *кшанти* и *вирья*) и двух особых (сосредоточенность и мудрость, иначе *самадхи* и *праджня*).

Развитию мудрости служит практика постоянного памятования (осознанного восприятия всех внешних и внутренних импульсов), развитию сосредоточенности – практика концентрации. Медитативное памятование носит название *vipaśyāna* (тиб. *лхагтонг*), медитативная концентрация называется *шаматха* (тиб. *жине*), обе они являются основными медитативными практиками буддизма.

Может возникнуть вопрос: если причина страдания – «всего лишь» непонимание пустотности, цепляние мысли за концепцию самосущего бытия, не достаточно ли умозрительно осознать истинность концепции о пустотности вещей – и сразу стать счастливым, а то и вовсе достичь Освобождения?

В истории буддизма уже существовали учителя, искушавшие своих последователей этой идеей (например, небезызвестный китайский проповедник Хэшан Махаяна, потерпевший поражение в диспуте с мудрецом Шантаракшитой). Идея – ложная, поскольку наша склонность наделять вещи теми или иными оценками зависит не от «философии», осознать и поверить в которую мы пытаемся с той или иной степенью успеха, а от устойчивых привычек нашего восприятия, от семян сознания. Изменить эти семена, говоря образно, выбрать дурные семена и засеять сознание благими семенами, возможно, только упражняясь в добродетели. Философские размышления о добре и зле могут быть полезны как подготовительные упражнения, но никак не способны быть достаточными для духовной практики.

Характеристики Третьей истины можно подробнее узнать из курса Праджня Парамиты. Четвёртую благородную истину, как уже сказано, по всех подробностях излагает «Ламрим» благородного Дже Цонкапы (а также ламримы иных школ тибетского буддизма) и учебный курс с

одноимённым названием.

Для желающих лучше осознать Четыре благородные истины мы приводим ниже проповедь Кхенпо Кьосанга Ринпоче, посвящённую изложению этих истин в Сутре сердца добродетели мудрости.

Кхенпо Кьосанг Ринпоче
ЧЕТЫРЕ ИСТИНЫ

(из книги «Европа глазами снежного льва», перевод А. О. Ламыкиной)

Нет, пожалуй, ничего более важного в нашем Учении, чем Четыре благородные истины. И, вероятно, ничего более глубокого в нашем каноне, чем Сутра сердца Добродетели Мудрости. В Праджняпарамитакхридая-сутре явлена сама суть, сердце Совершенства Мудрости. Конечно, каждый хотел бы узнать, как наиболее важные идеи буддизма отражены в самой глубокой сутре. Вы хотели бы узнать это? Вот эти строки:

Дешинду дугнгалва данг
кюнджунгва данг
гогпа данг
лам мэ.

Значение этих слов следующее:

Нет страдания,
нет причины страдания,
нет прекращения страдания,
нет Пути.

Казалось бы, слова легкие, но довольно сложно понять, что они на самом деле значат.

Давайте начнем с первой истины. «Нет страдания».

Вы можете предположить, что страдания нет совсем. Есть две крайности, одной из которых следует каждый, кто размышляет об этих словах. Первой следуете вы, люди Запада. Вы действительно думаете, что нет никакого страдания. Вы так живете. Вы не заботитесь о своём здоровье или о своей смерти, которая, конечно, когда-нибудь придет. Вы рассматриваете страдание как нечто позорное. Вы боитесь, что о вас скажут, что вы страдаете. Тот, кто страдает, не может быть счастливым, не сможет хорошо работать и теряет всё, что у него есть. Так и есть в вашем жестоком западном мире. Хотя любой, кто старательно избегает страдания, никогда не освободится от оков

самсары. От чего ему тогда освободиться? Какова будет его мотивация?

Некоторые думают глубже. Некоторые религиозные люди Запада способны встретиться лицом к лицу со страданием. Они полагают, что все это страдание есть радость. Что каждый раз, чувствуя боль, надо радоваться этому, вместо того чтобы страдать. Эта христианская идея глубока. Однако для обычного человека она не работает. Чтобы испытать радость вместо боли, нужно долгое время работать над своим сознанием. Кто-то пытается это сделать без нужной подготовки. И когда терпит крах, незамедлительно начинает винить в этом свою религию как набор старых неправд. Хотя я, буддист, считаю христианство чем-то бóльшим, чем просто собранием лжи.

Мы, восточные люди, придерживаемся другой крайности. Мы понимаем слова Будды слишком буквально. Мы прекрасно осознаём, как много страдания в мире. Так зачем заботиться о мирских делах, если в мире нет ничего, кроме страдания? Страдание существует, это данность. Никто не может изменить этого. Строительство школ, больниц, создание новых машин бесполезно, потому что никакое усилие никогда не сможет уничтожить эту огромную массу страдания. Так рассуждаем мы, люди Азии. Поэтому мы отказываемся от любой активности. Нам больше нравится мечтать, чем работать. Я не могу решить, какая крайность хуже. Обе довольно плохи.

Есть ли страдание, или его всё же нет? Конечно, оно существует. Хотя и не само по себе, не опираясь на себя, другими словами, нет «субстанции страдания». В действительности во Вселенной есть субстанция, то есть вещественная основа земли, воды, воздуха и огня. Но никогда не существовало и не может быть никакого отдельного вещества страдания. Его основа – у нас в голове. Поэтому совершенно неверно говорить, что «страдание существует». Лучше сказать: «Есть страдающие существа». Так гораздо лучше. Это, может быть, удержит вас от безразличия к миру, от которого страдаем мы, люди Востока. Это, может быть, пробудит в вас активное сострадание к страдающим существам, чего так не хватает нам.

Представьте, что одновременно исчезнут все существа, живущие на Земле. Вещь под названием «Земля» в этот момент тоже исчезнет, поскольку не будет никого, кто называет её так. Все же сама сущность Земли, её вещество не изменится. Но любое страдание прекратится раз и навсегда, поскольку никто не будет страдать. Вот почему никакое страдание не существует независимо, опираясь само на себя.

Каков источник страдания? Это – наша способность оценивать вещи. Способность воспринимать их как «дурные» или «хорошие». Как только мы называем вещь «дурной», появляется страдание.

Представьте себе очень богатого человека, который внезапно стал бедным, из-за чего он вынужден снимать очень дешевую квартиру. В квартире – только одна комната, может быть, только с двумя окнами, с одним столом и одним диваном. Как только этот человек входит в комнату, он называет ее «плохой» и страдает. Теперь вообразите заключенного, который получит эту комнату после освобождения из своей маленькой и скверно пахнувшей тюремной камеры. Как будет он рад этой комнате! Ведь в тюремной камере у него вообще не было дивана и окон. Комната – та же самая в обоих случаях. Наше страдание не зависит от «вещей», как видите. Оно даже не зависит от восприятия, потому что оба человека видят те же самые окна. Оно зависит только от нашей способности называть вещи «плохими» и страдать от того, что они «плохие».

Что же тогда заставляет нас считать вещи дурными? Наше невежество. Невежество считается в нашем Учении единственной причиной происхождения страдания. Что такое невежество? Ложная идея о том, что вещи существуют сами по себе. Идея о том, что они могут быть «хорошими» или «плохими» отдельно от нашего ума. Откуда возникает эта идея? Из нас самих. Если «мы сами» существуем, то внешние вещи существуют тоже, так мы думаем. В действительности, мы всегда видим только наш собственный ум. Материя, субстрат вещей действительно существует, но именно наш ум преобразует их в вещество в то, что мы видим. Мы не можем отказаться от веры в «самих себя». У каждого животного есть концепция «самого себя», тем более есть она у людей. Без этой концепции мы не заботились бы о себе и умерли бы через день или два. Именно поэтому Хридая-сутра говорит, что нет никакого происхождения страдания. Это означает, что нет независимого происхождения страдания. Его источник – не где-нибудь, подобно источнику воды в пустыне. Этот источник – наш ум. Это мы. Так вы должны понимать Вторую истину.

Я также считаю, что не стоит говорить о «вере в независимое существование вещей, которая является источником страдания». Идея совершенно верна. И все же она очень часто понимается неверно, особенно начинающими буддистами. Те, кто воспринимает её слишком буквально, могут предположить, что нет ничего легче, чем Освобождение. Чтобы достичь Освобождения, каждому стоит только понять, что вера в независимое существование вещей является ложной. И сразу же Просветление будет обретоно. Так кажется кому-то. Это очень далеко от правды. Вы не можете избавиться от веры во внешние источники счастья, просто отрицая их, как бы умны вы ни были. Ваше сознание намного шире, чем ваш интеллект. Не интеллект, а ваши привычки восприятия имеют значение. Чем совершенней ваши привычки,

тем меньше вы страдаете. Но у вас не будет хороших привычек, если вы не будете культивировать шесть достоинств, или, более точно, шесть совершенств.

Рассмотрите совершенство даяния. Представьте себе человека, привыкшего отдавать то, что он имеет. Такой человек не будет считать свою собственность «благом». Поэтому он не будет страдать, если что-то у него украдут или отберут силой.

Рассмотрите совершенство дисциплины. Дисциплинированный человек привык повиноваться правилам. Он не будет считать самые строгие правила «злом». Такой человек не будет страдать в тюрьме, в армии или всякий раз, когда требуется соблюдать строгие правила.

Рассмотрите совершенство терпения. Тот, кто привык быть терпеливым, не будет считать физическую или умственную боль чем-то очень скверным. Он не будет страдать так же сильно, как другие.

Рассмотрите совершенство усердия. Тот, кто привык упорно трудиться, не будет считать труд «злом», поэтому он не будет страдать от необходимости много трудиться.

Наконец, рассмотрите совершенства сосредоточения и мудрости. Тот, кто в состоянии сосредоточиться и тщательно анализировать вещи и события, может с легкостью изучать новое. Такой человек способен легко взрастить в себе иные совершенства и таким образом избежать страдания. Кроме того, мудрый человек может осознать, что наше счастье опирается только на наш ум. Простого понимания этого недостаточно, но всё же такое понимание уменьшает наше страдание и делает корни других достоинств более сильными.

Фактически, нет никакого другого способа достигнуть Окончательного Освобождения кроме возвращения этих шести совершенств. Вы можете смеяться надо мной и думать, что только моя принадлежность к школе Гелуг заставляет меня так говорить.¹ Думайте, что хотите. Все же я полагаю, что никакая религия не может привести человека к Освобождению иным способом, чем через воспитание этих шести совершенств. Это действительно так. Почему? Потому что без совершенств у любого человека нет необходимой способности воспринимать «неприятные» вещи как хорошие. Эта способность не появляется просто от веры. Эта способность – то же самое, что привычка восприятия. Представьте себе, что вы ограблены. Вы можете искренне полагать, что нужно быть щедрым. Вы можете повторить это себе сотню раз, но это не поможет, вы будете несчастны от осознания того, что вас ограбили, если в

¹ Школа Гелуг делает основной упор на воспитание добродетели (прим. Б. С. Гречина).

действительности вы жадный и эгоистичный человек.

Единственным способом стать щедрым являются ваши щедрые дела. Есть закон кармы, согласно которому мы действительно верим в то, что нечто является благом, только в том случае, если мы совершаем это «нечто» по нашей собственной доброй воле. В случае если мы совершаем дурные поступки, мы начинаем полагать, что дурное – хорошо. Почему? Это легко: мы всегда уважаем то, над чем работаем. Иначе это означало бы, что мы работаем над тем, что нам не нужно. Никто не захочет считать себя таким идиотом. Мы верим, что даяние хорошо, только тогда, когда мы бескорыстно отдаём нечто другим людям. Мы полагаем, что дисциплина хороша, только в том случае, если сами дисциплинируем себя. Мы полагаем, что перенесение боли хорошо, только если упражняемся в терпении боли. Мы полагаем, что усердие хорошо, только если мы упорно трудимся. И так далее, и так далее. Без этих убеждений мы будем чувствовать себя несчастными каждый раз, когда мы чувствуем боль, ограблены, вынуждены придерживаться правил или обязаны упорно трудиться. Вы видите, нет иного пути к Освобождению кроме как через совершенства, и нет иного пути к совершенствам кроме как через благие дела и благие мысли.

Теперь давайте перейдем к Третьей благородной истине, как она изложена в Хридая-сутре. «Нет Освобождения».

Просветление, конечно, существует. Никто не прилагал бы усилий, чтобы достичь чего-то, чего в действительности нет. Так почему сказано, что нет никакой Нирваны? Потому что многие из вас неправильно понимают Нирвану. Нирвана – это не место, куда нужно прийти. Это не какое-то тонкое вещество, из которого сделаны небесные замки. Нирвана – это просто способ, каким мы видим все вокруг. Обычный человек видит вещи абсолютно неправильно. Личные желания этого человека затемняют, омрачают правильное восприятие этой вещи. Вы никогда не поймете, каковы женщины на самом деле, если будете желать их. Как только вы перестанете их желать, вы узнаете многое о них. Вместо объектов вашей страсти вы увидите в них людей. Поэтому каждый монах может быть превосходным соблазнителем, поскольку он понимает женщин. Плох монах, который не способен соблазнять женщин. И монах понимает женщин, потому что он отрекся от них. Как только вы отречётесь от всех своих желаний и воспитаете ваши совершенства, ничто не будет для вас «дурным». Или, говоря другими словами, вы увидите мир таким, каков он есть. Ваш ум, через который вы видите мир, и реальный мир, который существует, не будут больше различаться. Это – Нирвана. Нет никакой другой Нирваны, кроме этого самого мира, в котором мы живем. И наоборот: нет ничего в этом мире, что не имеет природы Нирваны. Именно поэтому никакая

отдельная Нирвана никогда не существовала. Так вы должны понимать Третью истину.

И теперь последняя благородная истина: истина Пути. «Нет никакого Пути», – гласит Хридая-сутра. Каков смысл этого тёмного изречения?

Путь существовал всегда. Нет Освобождения без Пути. Но что такое Путь? Вам сказал это Будда. Правильное понимание, правильные дела, правильная речь, правильные мысли, правильный способ зарабатывать на жизнь, правильные усилия, правильное внимание и правильное сосредоточение. Но какие дела можно назвать правильными? Те и только те, которые создают наши хорошие привычки, те, которые укореняют наши добродетели. Никакое дело нельзя считать хорошим или плохим раз и навсегда.

Даяние милостыни бедным людям хорошо. Однако оно дурно, если вы совершаете его из гордости. Оно также дурно, если вы отдаёте нищим свой последний грош и у вашей семьи не остается ничего на жизнь. Убийство плохо. И всё же убийство опасного террориста хорошо, если у вас нет никаких других способов остановить его. Короче говоря, хороши те дела, слова и мысли, которые уменьшают сумму страдания всех живых существ. Но эти дела, слова и мысли – дела, слова и мысли нашей повседневной жизни. Нет каких-то специальных религиозных, «буддийских» дел, слов и мыслей. Внимание, которое вы уделяете телу и уму в то время, когда медитируете, – то же самое внимание, которое вы используете, пересекая улицу. Это не специальное религиозное внимание. Сосредоточение на Будде – то же самое, которое вы используете, читая газету. И так далее. Никакой особый Путь никогда не существовал. Вы, западные буддисты, считаете, что Путь – это американское шоссе с дорожными знаками. Теперь вообразите пустыню или поле. В пустыне вы можете пойти в любую сторону. Есть направление к Нирване. Но поле вокруг всегда будет одним и тем же. Нет ни асфальта, ни дорожных знаков в вашей жизни, и быть их не может. Духовная деятельность не отмечена специальными знаками. По крайней мере, не в самом начале пути. Путь – только направление, в котором вы должны пойти. Он нигде не существует, ни на земле, ни в небе. Направление является одинаковым для всех религий, не может быть другого. Нет никакого Пути, отдельного от жизни. Нет никакого буддийского Пути, отдельного от христианского. Вы действительно думаете, что христиане могут достичь Царства Небесного, не воспитывая добродетели или не совершая благих дел? Вы серьезно ошибаетесь, если думаете так. Нет другого способа чувствовать себя счастливым и избежать страдания кроме воспитания добродетелей. Единственное, что отличает буддиста от христианина, – это в а х а н а,

транспортное средство. Транспортное средство, а не Путь. Мы, тибетцы, едем на спине медитации. Многие христиане притворяются, что едут на автобусе Причастия. Только они не замечают, что их автобус сломан. Возможно, у небольшого числа христиан есть и другой транспорт. Вера в то, что пути различны, причиняет много вреда. Она ведёт к постоянным спорам о том, чей путь лучше. И более того: она ужасно затемняет путь к Освобождению. Решив, что Путь существует как независимая вещь, сам по себе, вы продолжаете искать асфальт, искать рецепт своего счастья. Нет таких рецептов! Существует только ваша жизнь. Только от вас зависит, в каком направлении вы пойдёте по вашей жизни.

Теперь, как заключение, я повторю Четыре благородные истины, так, как они изложены в Хридая-сутре.

Нет никакого страдания. Есть страдающие существа.

Нет никакого внешнего источника страдания. Мы сами источник.

Нет никакой Нирваны, кроме того мира, в котором мы живем.

Нет никакого Пути. Есть направление.

Размышляйте над этими словами снова и снова.

II. ОСНОВЫ БУДДИЙСКОЙ ЭТИКИ

1. ОТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА К БОГУ, СВОБОДНОЙ ВОЛЕ, НАСИЛИЮ

Бог и его ответственность за судьбу человека

Прежде всего нам необходимо определить понятия. Нас, буддистов, часто упрекают в безверии, в атеизме. Буддизм, согласно расхожему (и ложному) мнению, есть религия без Бога.

Что есть Бог?

Если под Богом понимать *Высшее начало, которое даёт смысл человеческой жизни*, тогда, разумеется, мы, буддисты, верим в Бога и признаём Бога. Если понимать под ним *совершенно чистое, свободное от любого порока существование или состояние*, то и в такого Бога мы тоже верим. Наконец, если понимать под Богом *одухотворённую и совершенствующую себя Вселенную*, то и это видение никак не противоречит буддийской вере. В буддийской традиции всё это называется несколько иными словами, но, конечно, важны не слова, а их смысл.

Мы, буддисты, не верим в Бога-Творца, точнее, в Творца-из-ничего, так как считаем, что мир не создаётся неким всемогущим существом «из ничего», а происходит от естественных причин. В дальнейшем станет ясно, что такое представление о происхождении мира не противоречит и подлинному христианству.

Но мы возвращаемся к вопросу о Боге, так как этот вопрос – не просто теологический. Вопрос о «христианском» Боге (почему слово «христианский» заключается в кавычки, тоже станет ясно позднее) – это также вопрос о свободной воле человека.

Если спросить обычного человека, родившегося и выросшего в христианской традиции, на кого он жалуется, мы с удивлением узнаем, что больше половины христиан жалуются на многих – на своих родителей, на своего мужа или жену, на своё начальство, – и, более того, они жалуются на Бога, они ропщут на Бога!

Вопрос «недовольства Богом» отнюдь не является юношеским, наивным, незрелым. Достоевский, один из самых глубоких русских писателей и истинный православный христианин, вновь и вновь возвращается к этому вопросу в своих романах. Слепую природу, умертвившую Христа, упрекает Алексей Нилович Кириллов (персонаж

«Бесов»), Ипполит (герой «Идиота»), «Мир Бога не принимаю!» – гордо заявляет Иван Карамазов. Странен был бы упрек Достоевскому в наивности или незрелости. Причиной всех этих бунтов является, во-первых, *неблагодать* окружающего мира, недостойная Бога-творца, во-вторых, мысль о том, что «по воле Создателя не упадёт ни один волос», ещё точнее, идея карающего и милующего Бога, который по своему произволу определяет судьбы людей.

Вопрос о неblaгодости мира и мировом Зле будет рассмотрен позже. Сейчас же мы спросим: неужели Бог действительно влияет на поступки человека?

Никто, кроме нас самих, не ответственен больше за зло, которое мы испытываем, говорит Учение Будды. Бог не вмешивается в судьбу человека. Но Он всемогущ – возражает некто. Однако если Бог всеблаг (а это – Его безусловный атрибут), Он – не всемогущ, ведь всеблагость привела бы Его к желанию прекратить или хотя бы уменьшить мировое зло, а всемогущество позволило бы это совершить. Если же Господь всемогущ и при своём всемогуществе допускает мировое зло, Он не всеблаг.

Эта проблема (совмещения всеблагости и всемогущества Господа) известна в христианстве под именем *теодицеи*, иначе говоря, оправдания Бога. (Воистину, странен Господь, которого нужно оправдывать!) Назовём три основных аргумента христиан, которые, казалось бы, объясняют существование мирового зла.

Аргументы в защиту всемогущего Бога

1. Господь, как любящий Отец, ограничивает свою свободную волю волей своих творений, не желая отнимать у разумных существ драгоценного дара, который Он же и даровал. Поэтому не чинится препятствий ни злему человеку, ни самому Дьяволу.

2. Страдание, которую мы наблюдаем, боль, которую испытывают существа, – только кажущаяся. Точнее, это благотворная боль, которая служит нашему усовершенствованию, ведь страданиями душа человеческая возвеличивается.

3. Говорить о благодости или неblaгодости Бога совершенно неверно, ибо Бог для нас непостижим и несказуем, мы не должны помышлять о Его свойствах своим скудным человеческим рассудком.

Ниже приведены опровержения этих аргументов.

Опровержения аргументов

1. Свободная воля – благой дар, но любая личная свобода завершается

там, где начинается свобода соседа. Если свобода влечёт значительный вред другим, даже светские власти, которые, как правило, не отличаются большой гуманностью, ограничивают свободу воли преступника, судят его и заключают в тюрьму. Здесь совершается выбор между меньшим (ограничение свободы воли одного человека) и большим злом (вред многим). Отчего же Бог не судит и не ограничивает свободу воли Сатаны – главного преступника?

2. Боль, действительно, иногда может быть благотворной. Буддизм также знает примеры «*малого страдания, которое освобождает от большого страдания*». Так, малое страдание аскезы освобождает впоследствии от большого страдания греха и порока. Но правда в том, что страдание мира *избыточно*. Его слишком много, если его цель – только усовершенствование человека. Мудр учитель, который поддерживает в классе дисциплину и тем, конечно, причиняет ученикам некоторое страдание ради их развития. Но учителя, который с первого урока унижает своих учеников, смеётся над ними, поминутно обескураживает их и не даёт себе никакого труда объяснить, зачем все эти лишения, – такого учителя никак не назвать любящим и мудрым. А разве Бог когда-либо объяснял человечеству необходимость убийства детей, голодных смертей или массовых казней?

3. Рассуждение о несказуемости, о «примитивной человечности» категорий добра и зла также неверно. Мы, люди, являемся людьми и живём именно в этих категориях. Если Бог находится по ту сторону добра, зачем Он человеку? Если религия находится по ту сторону добра, зачем она человечеству?

Итак, человек полностью ответственен за всё, что испытывает в этой жизни, и хорошее, и дурное.

Представим себе мужчину, который зарабатывает на жизнь тяжёлой, однообразной работой, получая низкий доход. Отчаявшись, он клянёт и власти, и родителей, которые посоветовали ему эту профессию. Никто, подчеркнём, не снимает ответственности с властей или с хозяев предприятия! Но ведь профессию мужчина выбирал сам. Сейчас он волен сменить её. Нам скажут, что поздно менять профессию в сорок или в пятьдесят лет: нет ни сил, ни способностей учиться новому. Пусть так: но ведь нечеловеческие условия стали ясны гораздо раньше, десять или двадцать лет назад, и именно тогда мужчина принял решение ничего не менять. Или он не принимал решения, а колебался, продолжая работать? Но ведь и это – выбор. Проблема заключается в том, что *отложенное решение – тоже решение, что отсутствие решения с точки зрения кармы – тоже решение*. Предположим, что условия труда значительно ухудшились именно в последние годы, – но и это не снимает

ответственности с человека. И в зрелом возрасте мы можем выбрать между страхом перед неизвестным, тяжестью освоения новой профессии – и неприятной, но привычной рутинной. Если мы выбираем последнюю, значит, она кажется нам наименьшим злом. То, что жизнь предоставила нам сейчас лишь этот выбор, – следствие нашей кармы, то есть только *наших* прошлых совокупных желаний, наших действий, и ничьих больше. Да, рабочий завода в сорок лет может выбрать лишь между своей прошлой профессией и, к примеру, профессией охранника, а не между трудом рабочего и трудом дирижёра. Но разве в прошлые годы, в прошлые жизни он развивал к себе склонность к музыке? Проявись эта склонность и усилия в направлении развития музыкальных (педагогических, организаторских, список можно продолжать) способностей раньше, и выбор сейчас был бы иным.

Представим себе также женщину, которая жалуется на побои от мужа. Мы не стремимся снять ответственность с её мужа, но ведь некогда эта женщина сама выбрала именно этого мужчину. Сейчас он жесток – что запрещает ей расстаться с ним? Совместно нажитое имущество? Материальная зависимость? Общие дети? Но, заключая брак, женщина могла подумать о том, что любой брак – надолго, могла увидеть в будущем муже склонность к будущей жестокости. Вступив в брак, она взяла на себя добровольные обязательства, добровольные ограничения, взяла их сама. «Нет, под давлением мамы!» – возразит женщина. Никто не извиняет родственников, их давление достойно всякого осуждения (смотри ниже отношение буддизма к насилию) но воля этой женщины была в том, чтобы слушать их или не слушать: эту жизнь жить ей, а не им. И не просто могла женщина разглядеть склонность своего партнёра к будущей жестокости, но не могла не разглядеть её: каждый знает, насколько любая женщина проницательна. Значит, предпочла не разглядеть, обмануть себя, уговорить, понадеяться на лучшее. «Я была совсем юной дурочкой, а он меня обманул!» Могло и так случиться, но та «юная дурочка», которую обманули, не обманула ли сама? Была ли она честной с будущим мужем? Не стремилась ли выставить себя лучше, чем есть на самом деле? Может быть, «юная дурочка» притворилась, пусть и неосознанно, что знает поэзию, любит музыку, что является тонкой натурой, а после замужества оказалась обычной, посредственной женщиной. Мужа сердят её вульгарные представления о жизни, заурядные капризы, бесцветность, безволие – и вот, он поднимает на неё руку. Повторимся, что это совсем не оправдывает мужчину (можно ведь представить и обратную ситуацию: безвольного мужчину, который жалуется на драчливую жену). Не оправдывает, но не снимает и с женщины её «вины», как сказали бы христиане.

Мы, буддисты, предпочитаем избегать слова «вина»: оно часто

связано с христианским ощущением собственного убожества, бесполезности, бессилия. Последнее не является «камнем в огород» христианства. Христианин может достигнуть подлинной святости, переживая собственные несовершенства. Мы предпочитаем идти иным путём. Стоит помнить, что в подлинной практике нравственной работы нужно ясно определить методику этой работы и не пытаться усидеть на двух стульях. Итак, не переживание вины необходимо для буддиста, но осознание *своей полной ответственности за всё зло*, которое нам причиняют окружающие люди и жестокий мир. Такое осознание порождает стремление избавиться от страдания и прийти к счастью через усовершенствование собственных качеств и рост мудрости.

Почему жизнь обычного человека, как правило, не определяется тёмными силами («бесами»)

«Чёрт убил эту старуху, а не я!» – темпераментно восклицает Раскольников в известном романе Достоевского. Так и многие вслед за ним готовы списать свои несовершенства и грехи на «бесовские искушения».

И всё же мы должны ясно понимать, что большинство из нас для «бесов» (или Мары, говоря буддийским языком) не представляют никакого интереса.

Отчего? Именно в силу скромности, незначительности нашей личности. Буддизм отнюдь не отрицает существования демонических сил. Но эти силы не столь могущественны, чтобы сознательно трудиться над каждым, чтобы персонально обольщать и искушать каждого человека на земле.

(Последнее не исключает того факта, что *кратковременному воздействию демонических влияний поддаётся большинство*. В конце концов, гипнозу шоу-бизнеса и масс-медиа тоже поддаётся большинство, но это ведь отнюдь не означает, что звёзды шоу-бизнеса находят время встретиться с каждым из своих почитателей. Если же человек добровольно выбирает быть обольщённым, то это, повторимся, его свободный выбор, а никак не «бесовское принуждение».)

Если мы вступим на сложный, крутой путь нравственного роста, который ведёт к праведности и, далее, к святости, если достигнем на этом пути известной высоты – тогда мы, как бойцы, представляющие опасность для демонического стана, действительно столкнёмся с *персональными* демоническими искушениями, с попыткой поработить нашу волю. Тогда, но не раньше. То же может случиться с нами, если мы достигнем высот общественной жизни или выдающегося художественного мастерства: ведь известный политик или писатель способен принести куда большее зло,

доставить гораздо бóльшую радость бесовскому воинству, чем безвестный слесарь. Но многие ли из нас готовы сказать, что являются выдающимися политическими деятелями или великими мастерами искусства?

Есть, наконец, и ещё одна причина, по которой мы не должны винить «чёрта» в происходящем с нами. Сознание современного человека насквозь прагматично, амистично, лишено интуиции. Причина этому – и массовая школа, и современные масс-медиа. Духовные уши современного человека закрыты плотными пробками, которые не позволяют нам слышать ни «глас ангелов», ни нашёптывания дьявола. Вера и духовный труд раскупоривают эти поры нашего сознания. Вот отчего духовный практик подвергается куда бóльшим опасностям, чем рядовой человек. *В действительности, занятия религией и особенно духовным трудом для всех, кто не имеет сильной воли, способны ещё быстрее пробудить наши несовершенства, ещё быстрее привести в ад, чем просто потакание чувственности и пороки обычной жизни.*

Причины, по которым человек не должен в повседневности чрезмерно уповать на светлые силы

По каким же причинам мы не должны надеяться на помощь светлых сил? Разве многочисленные иерархии буддизма, все эти будды, бодхисаттвы, идамы, святые ламы, «покрывающие небо в грозовых тучах знания и любви», не способны помочь обычному человеку?

Нет, они способны к этому, но не следует чрезмерно уповать на их помощь.

1. Прежде всего, светлые иерархии помогают лишь тем людям, кто молитвенно и пламенно обращается к ним. К чему помогать тому, кто не просит о помощи? Это нарушало бы свободную волю человека.

А часто ли мы вспоминаем светлые силы в нашей повседневности? Часто ли сообразовываем свои поступки с заветами религии?

2. Во-вторых, следует отчётливо понимать, что небесные бодхисаттвы помогают человеку исключительно по доброй воле. Они – не слуги у неведомого начальника, не медицинские сёстры с фиксированной оплатой. Они *желают*, но не *должны* помогать страждущим. Они человечны, в смысле их разумности и свободной воли. Недаром и говорит Учение Будды о том, что всякий небесный бодхисаттва некогда был человеком, что каждый из нас может стать бодхисаттвой! Бодхисаттвы – тоже «люди», а не ходячие добродетели, не абстрактные схемы, им не чуждо ничто человеческое, в том числе, естественные симпатии и антипатии. Если же человек порочен, груб, грязен, нагл, раздражителен, циничен, насмешлив, настроен скептически к тому, кто протягивает руку помощи, много ли желающих найдётся помочь ему?

3. Причина, верная в отношении демонов, верна и в отношении светлых сил. Чтобы слышать негромкие голоса бодхисаттв, человек должен обострить свой духовный слух, открыть глаза своего ума, а это непросто сделать с сознанием, отредактированным современной атеистической наукой и безрелигиозной моралью.

4. Наконец, чрезмерное упование на небесных воинов способно лишить человека собственной воли. «Дарованная» добродетель не является подлинной, ведь её достижение не закалило человека, не взрастило в нём нужные корни.

В Самьютта-никае содержится поучительный рассказ о монахе, который поддался обольщению сладким ароматом цветка. Тут же перед ним появилась дэвата (божество, ангел). «Берегись, монах! – молвило божество. – Спасайся от обольщений!» Потрясённый монах просил божество всякий раз удерживать его от соблазнов. Ангел возразил: такое невозможно. Много ли будет в этом твоей, о монах, заслуги?

Мы должны помнить, что и сам Благословенный Будда в годы Своей аскезы отверг помощь божеств, хотя мог ей воспользоваться.

Отношение буддизма к насилию

Из всего, сказанного выше, совершенно ясным становится отношение буддизма к насилию. Свобода воли – не только величайшее благо, но и единственная возможность нравственного роста. Не совершив выбора сам, человек не встретится с его последствиями, не извлечёт уроков из своих решений. Вот поэтому буддизм принципиально осуждает любое насилие, кроме тех случаев, когда совершённое насилие позволяет избежать ещё бóльших человеческих страданий.

Сам великий Будда не позволял себе насилия: отчего же мы мыслим себя более мудрыми, чем Он?

Насилие может совершаться с эгоистичными целями (ограбление, сексуальное насилие, шантаж) или с целью помощи другому человеку (наказание ребёнка). В первом случае оно безусловно порочно, во втором мы должны осмыслить: нанесут ли действия человека, свободную волю которого мы хотим ограничить, страдания другим или причинят вред только ему самому? Только при положительном ответе на первый вопрос мы имеем право на насилие, и лишь в том случае, если абсолютно убеждены в благости ограничения свободной воли.

Это же определяет отношение буддизма к воспитанию детей. До тех пор, пока действия ребёнка незначительно вредят только ему самому и не представляют угрозы его жизни и здоровью, необходимо указать на их вред, но не воспретить. Любая внешняя жестокость или своеволие ребёнка (мучительство животных, раздражительность, наглость, агрессивность)

должны немедленно и строго запрещаться, в случае нарушения запретов – наказываться.

Буддизм, как и христианство, убеждён, что ненависть не может быть побеждена ненавистью. Но он, несмотря на свой идеал кротости, не представляет собой вариант толстовства, «беззубого всепрощения». Символ Учения Будды – Лев Закона, а не овца смирения. Буддизм требует от человека активного сопротивления злу, по возможности – бескровными методами (убеждением, проповедью, личным примером), но, когда нужно, даже и насилем. «“Что я должна была делать с хулиганом, который отнимал у меня сумку?” – спросила пожилая леди буддийского учителя. Тот ответил: “Со всей любовью и состраданием ударить его зонтиком по голове”». При этом человек должен понимать, что последствия любого решения о насилии он понесёт сам. Грешно убить. Допустимо убить того, кто стремится к массовому убийству, если нет иного способа остановить его, хотя бы и ценой своей жизни. Но если законы страны, в которой мы живём, осуждают убийство даже и массового убийцы, нам следует принять эти законы и собственное тюремное заключение, а не полагать, будто религиозному человеку закон не писан.

Буддизм, если подвести краткий итог, *учит человека быть взрослым и сознательным, отвечать в полной мере за каждый свой поступок.*

2. ОТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА К БРАКУ И ЛЮБВИ

Отношение буддизма к браку

Попытайтесь ответить: как называется буддийский ритуал венчания? Скорее всего, вы ничего не вспомните, потому что такого ритуала в буддизме не существует.

Конечно, мы слегка преувеличиваем, утверждая, будто в буддизме *вообще* не имеется никакого религиозного благословения брака. Ритуал заключения брака есть в дальневосточном буддизме (корейском, японском), тибетский лама-астролог также может определить наиболее благоприятный день и дать молодожёнам напутствие... Тем не менее, брак в буддизме *не считается таинством.*

(Последнее вовсе не означает несерьёзного отношения буддиста к брачным клятвам или того, что буддисты будто бы склоняются к свободной любви, к вседозволенности в любви и половой жизни, что станет ясно дальше.)

Мы, буддисты, считаем, что в момент заключения брака ещё не происходит некоего мистического, волшебного и самоценного по себе,

самосуществующего события, которое безусловно должно найти отражение в ритуале. Да, этот момент является трепетным, волнующим, важным, он оставляет отпечаток в сознании человека. Однако и люди, сочетавшиеся браком, тоже порой расстаются, и не всегда расстаются негодяи или безответственные лодыри. Если считать любой брак безусловным таинством, руководствуясь словами Христа: «Что Господь соединил, человек да не разъединяет», то следует либо признать, что в отношении этих людей таинство не совершилось, либо считать разошедшихся грешниками, которые нарушили Божью волю. Для кого-то благотворен и такой взгляд на брак, но то, что вполне пригодно и благотворно для христианина, для буддиста неразумно.

Итак, для нас брак – не таинство, а «всего лишь» свободный договор, свободное решение двух людей, решение о союзе, о взаимопомощи, о добровольном ограничении своей свободной воли. Но это «всего лишь» – отнюдь не пустяк: любое обещание, в буддийской традиции, крайне важно.

Отчего столь драгоценно обещание? В религии, нарушив обет, мы причиняем вред самим себе, так как обнаруживаем слабость своей воли и неспособность приложить сколь-нибудь значимые усилия для победы над своим низшим, животным началом. В мирской жизни обещание важно, так как, нарушив его, мы *неизбежно принесём страдания другим людям*, рассчитывающим на нас, возложившим на нас свои ложные надежды. Принесение страданий живым есть безусловное и абсолютное зло (если только речь не идёт о малых страданиях, которыми побеждаются большие).

Если два деловых человека заключают договор, а затем один из них этот договор нарушает, это признаётся миром безусловным злом, столь большим, что оно заслуживает разбирательства в суде и порой даже уголовного преследования. Почему же нарушение договора о взаимной верности является меньшим злом? В одном случае обманутая сторона лишается денег, в другом – спокойствия и счастья, и как измерить, что важнее?

Сам брак важен и даже священен, ведь он предоставляет человеку возможность нравственного роста. Достоинствам нашего супруга или супруги мы можем учиться, недостатки нашего партнёра дают нам возможность развивать в иных случаях терпение, ценную добродетель, в других – требовательность и волю.

Но *что важно для самого брака*, согласно буддийским представлениям? Верность, то есть способность держать данное обещание. Тактичность, внимательность, сочувствие, готовность помогать и нести на себе свою часть обязанностей, ответственность.

Внимательный слушатель или читатель в этом перечне, к своему

удивлению, не обнаружит любви. «Что же, любовь для буддиста и вовсе неважна? – возмутится он. – Вот и очевидно: что буддизм – холодная, равнодушная к человеку, мертвящая душу религия!» Действительно, «любовь», в обычном понимании этого слова, для брака, по нашим представлениям, отнюдь не является главной. Чтобы понять это, нам нужно определиться с буддийским отношением к любви.

Отношение буддизма к любви

Согласно Учению Будды, человек состоит из пяти *скандх*, то есть пяти «тел», различных элементов нашего естества. Любовь зарождается тогда, когда та или иная скандха (или сразу несколько) притягивается к соответствующей скандхе партнёра, либо в силу сходства, либо по закону компенсации.

Притяжение на уровне *рупа* (то есть притяжение тела и энергий тела) порождает половое влечение.

Притяжение *самскара* (сходство или, наоборот, различие желаний, воля) – страсть, эмоциональную любовь.

Притяжение *ведана* (ощущений) – сентиментальную любовь, привязанность.

Притяжение *санджня* (интеллектов) – симпатию, дружелюбие.

Сходство *виджняна* (мировоззрения, картин мира) – уважение к другому человеку.

При этом возможны самые разные сочетания, самые разные оттенки чувства. Для человека благотворно, когда различные виды любви в одном чувстве сочетаются. Ни один из этих видов буддизм не считает чем-то, что само по себе является порочным или греховным.

Вопрос о любви сложнее, чем кажется на первый взгляд, он не поддаётся никакой однозначной оценке.

С одной стороны, любая разновидность любви обогащает человека новым опытом, который приближает его к конечному Освобождению.

А некоторые виды любви и вовсе поддерживают человеческую добродетель, так как напрямую соприкасаются с *чатур брахма вихара*, четырьмя безмерными чувствами любви (симпатией, состраданием, сорадованием, равностностью), в которых не содержится никакого порока или изъяна, которые верующий буддист, напротив, должен неустанно поддерживать и воспитывать в себе. Отсюда любовь – благо.

С другой стороны, любая любовь, не свободная от *атмавада*, от концепции «Я», от отсутствия видения пустотности; говоря проще, от эгоизма (а любовь между мужчиной и женщиной почти никогда не бывает вполне свободна от этого), является одновременно источником пленения человека, его удержания в сансаре, то есть причиной зла. Особенно в этом

отношении опасна половая любовь.

Итак, любовь одновременно и благотворна, и губительна для нравственного роста. А прежде всего верующий буддист должен осознать ту простую истину, что ни одно из мирских чувств любви не является *абсолютным* благом, не является *вечным*, что ни с одним из них *нельзя* связывать идею некоей особой *благости* или *святости*, что не следует идеализировать и чрезмерно поклоняться ни половой любви, ни той Романтической Любви, которая в западном мире уже давно стала особым культом. (Впрочем, и это естественно. Свято место, как известно, пусто не бывает, оттого на месте отсутствия подлинной веры возникает лжевера или суеверие, на месте подлинного учения, христианского, буддийского или иного, возникает современное язычество.)

Романтическая любовь хороша и блага, она – мощный источник энтузиазма, веры в себя, стремления к самоулучшению, но она не является безусловной ценностью. Жизнь показывает, что брак, как союз двух людей, должен стоять на более прочном фундаменте (качества, важные для брака, смотри выше).

Отношение буддизма к половой любви

Первоначальный буддизм, как известно, относился к половому чувству крайне отрицательно, видя в нём источник многих зол. Согрешившего монаха (с женщиной ли, с другим мужчиной, с самкой животного или даже «с самим собой») ожидало немедленное исключение из общины учеников Благословенного.

С тех пор буддизм значительно изменился. Известные святые-махасиддхи средневековья прославились жизнью с «духовными подругами», появились женатые ламы. Тем не менее, буддизм до сих пор относится к физической любви настороженно.

Почему это так? Этому есть две причины.

1. Во-первых, половое чувство является для человека самым сильным источником наслаждения. Следует хорошо понимать, что *между наслаждением и счастьем ещё не стоит знак равенства*, иначе самыми счастливыми существами были бы или распутники, или те пресловутые крысы, в мозг которых вживили электрод, раздражающий зону удовольствия. Это наслаждение, в большинстве случаев, порождает столь же сильное желание: тот аппетит, который, как известно, приходит во время еды. Половое желание человека в дальнейшем удовлетворяется или нет. Будучи удовлетворённым, оно, разумеется, не угасает, а только возрастает, так же, как огонь не гаснет, а лишь разгорается от масла. Будучи неудовлетворённым, оно ведёт к страданиям столь же большой силы. Лев Толстой в ряде своих рассказов («Дьявол», «Отец Сергей»)

прекрасно и убедительно показал, как половое влечение может быть причиной убийства, самоубийства или членовредительства.

Итак, и вожделение, и страдание, и сильное удовольствие, и сильная боль поработают человека, не просвещённого светом запредельной мудрости, то есть почти абсолютное большинство.

2. Во-вторых, половое чувство и физическая любовь, как ничто иное, способны поддерживать в нас ложную идею *атмавада*, или, говоря языком Праджня Парамиты, «ложную изначально существующую концепцию самосущего бытия вещей».

Каким образом? Очень просто. Удовлетворение полового желания неизбежно порождает идею обладания, как правило, обладания мужчиной женщиной. (Отсюда глаголы со значением «обладать» также часто обозначают физическую близость.) Если существует «моё», существует, разумеется, и «Я». Буддизм утверждает не отсутствие «Я» как такового, а отсутствие «Я» как вечной и неизменной сущности. Если есть «Я» как нечто постоянное и бесспорно важное, значит, есть и гордость за «мои» достижения, и оскорбление «меня», и ненависть к врагам, осмелившимся выступить против «меня». Кроме того, физическая любовь, как ничто другое, способна внушить нам идею о том, что именно в другом человеке, *в прекрасной женщине или мужчине самих по себе коренится источник нашего счастья*. Но если источник счастья мы полагаем *вне нас*, мы обречены на страдание. В действительности, если лишь один источник подлинного счастья и Освобождения, и он – в сознании человека.

3. Наконец, физическая любовь лишает человека известной доли жизненных сил. Но в каждом из нас лишь один резервуар энергии, которую мы можем расходовать так или иначе. Чем более часты сексуальные контакты, тем бóльших энергий лишается человек.

Что же делать верующему буддисту? Должен ли он отказаться от всякой физической любви и немедленно принять постриг? Нет, этого не нужно. В конце концов, без физической любви прекратилось бы деторождение и жизнь на земле. Необходимо помнить, что не для каждого человека благотворна аскеза. Половая любовь, как и любая другая – одновременно и благо, и зло. Она станет безусловным злом и безусловным источником обольщения в том случае, если с неё будут сняты все ограничения.

Отношение буддизма к верности в браке

Буддизм осуждает супружескую неверность, под которой понимается половая жизнь с кем-то иным, кроме своего партнёра. Заключён ли брак официально или нет, при этом значения не имеет: в любом случае есть «договор», есть взаимное обещание верности, которое в случае людей,

живущих «гражданских браком», предполагает: «Я твой, ты – моя».

Почему же неверность считается пагубной? Именно потому, что она ведёт к *камешу миччхачара*, к половой распущенности. Если половому влечению человека не поставлено никаких границ, тогда, воистину, ни двух, ни трёх партнёров уже недостаточно, тогда начинает казаться, что благо – в наибольшем числе этих партнёров. Выше мы уже говорили, что физическая любовь в уме человека связана с идеей обладания, подчинения другому себе. Так было испокон веку и так, вероятно, будет. В браке эта идея не так пагубна: там подчинение другому себе означает и собственное подчинение другому, означает взаимную ответственность. А вот в «свободных отношениях» идея о том, что можно подчинить себе сколь угодно многих безо всякой ответственности со своей стороны, ведёт к неизбежному угасанию сострадания и к разжиганию инстинкта власти, корня многих зол и бед, к сладострастию и жестокости.

(От блуда следует отличать полигамный или полиандрический брак, в котором люди, как и в обычном браке, связаны отношениями взаимной ответственности. Согласно некоторым преданиям, у буддийского ламы Марпы было две жены. В Тибете и сейчас ещё практикуется полиандрия, в некоторых странах – полигамия. Буддизм не осуждает эти виды брака, но только в том случае, если те, кто заключает такой брак, находятся в рамках соответствующей культурной или религиозной традиции.)

Нас спросят: что если молодые люди и не дают друг другу никаких обещаний, исповедуют «свободную любовь»? Ведь когда нет обещания, нет и его нарушения? Учение Будды против такого исповедания веры.

Во-первых, отсутствие обещаний не предполагает никакой ответственности. Но человек безусловно ответственен за свою половую жизнь, хотя бы перед своими детьми, которые от этой жизни рождаются. Противозачаточные средства при этом не решают проблемы. Феномен *телегонии* говорит, что дети женщины очень часто похожи на её первого партнёра, вне зависимости от того, кто стал их биологическим отцом: столь сильны психические впечатления, столь превосходят они физические. Разумеется, если женщина и мужчина равнодушны к тому, будут ли их дети (биологические или «психические») счастливы или нет, унаследуют ли они хорошие или скверные качества от соединившихся людей, тогда избирательность в отношении партнёров не очень важна

Во-вторых, идеи сострадания, нежности, взаимопомощи, ведущие человека к Освобождению и оттого столь драгоценные, естественным образом соединяются с мыслью о верности, но с идеей «свободной любви» они никак не соединяются. А если мы исключаем сострадание, нежность и взаимопомощь, из человеческих отношений уходит всё, кроме половой стороны. Такая любовь ничем не будет отличаться от любви животных. Точнее, от любви насекомых и рептилий, ведь высшие

млекопитающие и птицы, например, лисы, аисты, образуют семьи, зачастую моногамные. Каждый должен сам решить для себя, желает ли он, чтобы его любовь стояла на уровне любви насекомых и рептилий.

В таком отношении к половой любви и ответственности за ней заключается *истинная* суть учения Будды. Такое отношение не противоречит ни изначальному буддизму, ни более поздним текстам Праджня Парамиты, Добродетели Мудрости. Следует сокрушиться о тех ламах, которые проповедуют богатство и разнообразие половых контактов как абсолютное благо. Либо такие горе-учителя сознательно исповедуют зло, либо обманывают себя и прочих.

3. ОТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА К НАСЛАЖДЕНИЮ, СЧАСТЬЮ, СВОБОДЕ

Отношение буддизма к счастью

Наверное, в конституции любой страны записано, что человек имеет право на счастье и свободу. Это – важные, драгоценные слова. Вопрос – в том, как в современном мире понимается счастье и свобода.

Современный мир считает, что каждый человек, безусловно, имеет право на наслаждение. Более того, это наслаждение и есть счастье, счастье само не мыслится в отрыве от наслаждения, которое, в свою очередь, приносят или «чувственные удовольствия», то есть приятные ощущения, доставляемые органами чувств, или мысль об обладании вещами.

В связи с этим совершенно непонятно, каким образом были счастливы святые древности и средневековья, в своих горных пещерах или в лесном отшельничестве лишённые не только вещей, но и минимальных удобств, и почему не становится счастлив человек современности, имеющий почти неограниченный (а у иных – и неограниченный) доступ к удовольствиям.

Очевидно, что *счастье не тождественно наслаждению*. Очевидно, внутри нас имеется некий механизм, позволяющий нам быть счастливыми «без ничего» и, напротив, препятствующий нашему счастью в центре роскоши.

Не будет большим преувеличением сказать, что всё Учение Будды направлено на запуск внутри человека этого самого механизма, создающего счастье вне зависимости от внешнего мира.

Но откуда же тогда рождается подлинное счастье? Из ощущения блага, из чувства, что мыслимое, переживаемое и делаемое нами – хорошо, возвышенно, прекрасно.

Самым прекрасным, самым благим является уменьшение и в итоге,

полное уничтожение страданий других людей. Отсюда высшее счастье человека происходит из *деятельного сострадания*. Это – очень простая мысль, но от своей простоты она не становится менее верной.

Эгоизм потребления как болезнь нашего времени

И разве эта, такая простая, такая «наивная» мысль преподаётся в школах? Внушается детям, подросткам или взрослым? Напротив, современное общество есть общество *активного эгоизма наслаждения*, которое в настоящий момент человек ищет (и думает, что находит) в потреблении. Именно он, этот эгоизм потребления, видится современному человеку благородным путём к счастью. Коль скоро каждому позволено наслаждение, то порабощённый миром человек уже не просто надеется, а *требует* лучшего обслуживания, лучшего комфорта, лучшей картинки, лучшего звука, лучшего запаха и вкуса, лучшей услады своих органов чувств, и уже совсем не стыдится своих таких банальных, животных и уродливых на фоне страдающего мира требований.

Человек в настоящее время очень активен в защите своих эгоистических, потребительских интересов, зная, что сам закон находится на его стороне. Если бы эта активность была направлена на нравственное развитие, как много блага мы могли бы увидеть!

Активный эгоизм потребления ведёт, помимо прочего, к невероятному падению сочувствия к другому человеку и даже простого уважения к нему. В девятнадцатом веке нонсенсом был пациент, подавший в суд на своего врача. Люди, не столь заражённые эгоизмом, проще смотрели на жизнь и допускали естественную мысль о том, что врач вылечивает не всех, что от болезней иногда умирают, что лекарь имеет право на ошибку. Ныне практически ни одна американская больница не обходится без своего юриста, да и для российской медицины иски в отношении врачей становятся скорее нормой, чем исключением. В том же девятнадцатом веке родители школьника не подняли бы шума, если бы школьный учитель хватил ученика линейкой по голове (а то и розгой по мягкому месту). Ныне учителю стоит коснуться ученика хоть пальцем – и разгневанные родители уже составляют обращение в прокуратуру. Раньше архиерей, имевший роскошный выезд четвёрней, внушал пастве только благоговение, теперь злые языки непременно скажут о том, что владыка живёт не по средствам, и хорошо, если журналисты не засунут свой длинный нос в личную жизнь архипастыря. Мы, разумеется, не призываем бить школьников плетью, не призываем врачей умерщвлять пациентов, не призываем церковных иерархов купаться в роскоши. Беда, однако, заключается в том, что требования эгоизма потребления человек более чем склонен извинять и выставлять

благородными побуждениями (например, заботой об умершем родственнике, заботой о собственном ребёнке, беспокойством о судьбах религии), когда они являются только тем, чем являются: следствием эгоистического беспокойства о себе и «своём». Разумеется, Учение Будды осуждает эгоизм в любом его виде и напоминает о том, что чувство благодарности по отношению к помогающим нам людям (врачу, учителю, воспитателю, нравственному наставнику) гораздо лучше потакания голосу желудка или гордости, ревнивого оберегания собственного комфорта и благополучия.

Отношение буддизма к свободе

Посмотрим же, как понимается обычным человеком свобода. Каждый, проповедует западный мир, рождается свободным и имеет неотъемлемое право на свободу. А под свободой этой понимается, конечно, свобода выбора: выбора политической партии и политика, автомобиля, ресторана, профессии, отдыха, партнёра... то есть, в конечном итоге, свобода того же потребления.

Увы, этому представлению далеко до истины. Прежде всего, каждый человек не только *не* рождается свободным (ведь нет числа ограничений для ребёнка), но и во взрослом возрасте *не* пребывает свободным.

Любая свобода предполагает, что тяжесть любого решения человек понесёт самостоятельно, так как само это решение, безусловно, изменит его жизнь. Свобода в этом смысле подобна рулю автомобиля, слишком резко повернув который, мы рискуем в любой момент оказаться на обочине или вообще проститься с жизнью.

Такой свободы у современного человека практически нет, просто потому, что решения, которые ему оставлены, все настолько безобидны по последствиям, что серьёзно изменить его жизнь никак не могут.

Выбор той или другой марки автомобиля не способен изменить жизнь фундаментально, как реклама ни пытается уверить нас в противном. Так же не способен качественно изменить жизнь выбор женщины с тем или иным цветом глаз или волос, если мышление этих женщин одинаково (а единообразное светское воспитание и единство философии потребления делают его одинаковым), выбор того или иного учебного заведения (в усреднённом едином стандарте мире различия между ними сходят на нет). Ещё некоторая свобода остаётся человеку в выборе профессии, но ведь и профессии усредняются: по качеству труда, по нормам работы и взаимоотношений с работодателем. Раньше парикмахеры и слыхом не слыхивали о «портфолио», а теперь послушно готовят своё «портфолио» и резюме при смене парикмахерской. Раньше педагоги высших учебных заведений и подумать не могли, что качество их работы будет оцениваться «рейтингом», а теперь соревнуются за рейтинговые баллы, подобно

менеджерам или клеркам крупной корпорации. Да и в рамках профессии человек всё менее может принять решение, значительно изменяющее мир, способное быть тяжёлым по последствиям, а значит, свободное, ведь эгоизм потребления требует повышения качества жизни, бóльшей надёжности, бóльшей безопасности, бóльшего комфорта, а значит, бóльшей регламентации всех процедур и действий трудящегося. В технологически организованном мире архитектор не может создать авторский проект: тот будет слишком дорог и невыгоден. Врач, ограниченный новейшими технологиями, кругом конкретных медикаментов, правилами и нормами работы, догмами собственного образования, не имеет права предложить никакого «народного» способа излечения. Политик, связанный по рукам и ногам «глобальной экономикой», не может измыслить никакого смелого закона. Учителю на уроке не остаётся места и времени для педагогических экспериментов, для собственных небанальных мыслей и заявлений, если оценка качества образования (и качества работы учителя) происходит единообразными тестами, регистрирующими лишь наличие в памяти учащегося голых фактов и ничего больше.

Некоторая свобода остаётся ещё в выборе религии... но ведь подлинная религия не относится к миру потребления, выпадает из этого мира, не потакает активному эгоизму, а потому перестаёт быть современному человеку интересна. А постольку, поскольку она, религия, эгоизму потакает и в общество потребления вписывается, она тоже становится вполне предсказуемой, не предлагая принципиально разных вариантов: не так важно, в какой церкви «заказать» венчание или отпевание, если «тарифы» (размер «добровольных пожертвований») примерно одинаковы, а чувств у певчих, поющих за деньги, одинаково мало.

Вот это и есть проблема современного человека: *выбор без выбора, иллюзия свободы*. Возможность выбрать между Гитлером, Сталиным и Муссолини, если бы все трое выставили на выборах свои кандидатуры, является истинно демократической, и такие выборы человек современности посчитает свободными, но разве выбор из трёх тиранов – свобода? Разве свободой может быть назван выбор любимого исполнителя, если вся современная музыка одинаково плоха и одуряюще однообразна? Неважен выбор психотерапевта, если все они работают по одним шаблонам, неважен выбор фасона одежды, если вся она – синтетическая, неважен выбор пищи, если любой продукт насыщен консервантами или выращен насильственно, вопреки естественным, природным условиям. А такой жалкий, *иллюзорный выбор и есть следствие свободы эгоизма*, свободы потакания своим желаниям наслаждения. Ведь, следуя только этим желаниям, нельзя ни создать

великого произведения искусства, ни умудрить себя для восприятия высоких религиозных истин, ни измыслить новый принцип общественного блага.

Парадокс в том, учит буддизм, что настоящая свобода начинается с *несвободы*, с самостоятельного решения положить своей свободе пределы, с самоограничения. Благословенный Будда, человек, достигший величайшей свободы (даже в обыденном, вульгарном смысле, ибо Он мог совершать чудеса, мог бы, если бы на то была воля Ананды, вдвое продлить срок Своей жизни, мог Своим взглядом пронизать пространство и время), пришёл к ней через величайшую несвободу, через аскезу столь строгую, что по сравнению с ней условия жизни заключённого показались бы райским комфортом. Свободной волей духовный делатель решает *ограничить* свою низшую свободу потакания сексуальным желаниям, зову желудка или зову воспалённой гордости. С этого начинается и буддист-монах, и мирянин-практик. *Для человека не благо быть свободным в пороке*, и не стыдно такую свободу добровольно отбросить. (Конечно, насильственное обращение к добродетели буддизм осуждает: в таком насильственном обращении нет никакой заслуги человека, оно не только бесплодно, но и вредно.) Мысль, тоже очень простая, но столь тяжело входящая в сознание, развёрнутое потреблением, проповедью идеи «свободы» и «неотъемлемого права на качество жизни».

К чему же приводит это добровольное порабощение? К угасанию «ядов» (пороков и источником страданий, таких как вождление, гнев, ревность, гордость, страх) внутри нашего организма, к росту добродетели. А что есть добродетель? Добродетель есть способность быть счастливым вне зависимости от условий мира, способность самостоятельно порождать и сохранять это счастье. Недаром одно из тибетских названий добродетели – *гэва*, «радость». Внимательное размышление о шести буддийских добродетелях (альтруизме, дисциплине, терпении, усердии, сосредоточении, мудрости) приведёт нас к пониманию того, насколько это верно.

Наконец, эта самая «несвобода» приводит к великому обладанию собой. Человек, привыкший самостоятельно подчинять, порабощать себя, становится способен управлять и телом, и чувствами, и мыслями, и, в конечном итоге, энергиями пространства. Что может быть названо бóльшей свободой, если всё богатство мира не способно дать нам здоровья, или душевного спокойствия, или, тем более, знания о мыслях других людей, но «несвобода» способна это сделать?

Итак, «счастье» (наслаждение) и «свобода» (потакания эгоизму и псевдовыбора) современного человека рождают, на деле, страдание и несвободу, а «порабощение» (низких желаний) и даже «страдание» (труда над собой) буддиста-практика создают, в конечном итоге, истинную

свободу и счастье.

4. ОТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА КО ЗЛУ И СТРАДАНИЮ

Изложение ложных взглядов

В уме большинства людей существуют лишь два восприятия, взгляда на страдание. Каковы же они?

Первый взгляд, неоязыческий, исповедуемый большинством людей, говорит о том, что страдание, разумеется, – зло, но, к счастью, этого зла в нашей жизни не так много. В страданиях человека виноват или он сам (тем, что своей энергией не создал для себя благоприятных условий существования, не заработал достаточного количества денег), или окружающие. Если окружающие причинили нам боль, должен действовать закон «око за око, зуб за зуб». Обман за обман, измена за измену, убийство за убийство и т. д. Такая расплата, согласно современному язычеству, хороша, «достойна мужчины», заслуживает уважения. И, так как жизнь коротка, нужно пользоваться её благами и пытаться избежать страданий, пока это возможно. К сожалению, все смертны... но на этом мысль неоязычника останавливается, дальше он думать не хочет.

Второй взгляд, «христианский» (мы берём слово в кавычки, так как лучшие и мудрейшие христиане не разделяют его), состоит в том, что страдание не есть зло. Субъективно мы переживаем его как зло, объективно же *всё* страдание есть благо. Ведь страдания посылает нам Господь для очищения нашей души. (Здесь тоже есть два мнения: Бог – или судья, наказующий за грехи, или терапевт, который дарует нам страдание из милости, как горькое лекарство.) Если мы и неспособны постичь, за что и для чего нам посланы страдания, это происходит лишь в силу ограниченности нашего ума. Отсюда страдание нужно безропотно переносить и, более того, радостно устремляться ко всё новым и новым страданиям, ибо чем больше страдания, тем больше святости.

Опровержение ложных взглядов

1. Прежде всего, наивен взгляд, согласно которому страдания в нашей жизни не так много. На самом деле, *практически любое побуждение человека происходит из нашего полусознательного желания избежать страдания.*

Мы входим в автобус и, если есть свободное место, садимся. Разве это

совершается не для того, чтобы избежать боли, напряжения, неприятного ощущения в ногах?

Мы приходим домой и включаем телевизор. Разве это делается не для того, чтобы уйти от боли скуки и однообразия в нашем уме, который желает себе какого-то занятия?

Учителя южного буддизма предлагают простой опыт. Следует сесть в одной позе и не шевелиться. Рано или поздно мы всё равно переменим положение тела. Здесь нужно проследить: отчего произошло движение? Конечно, из желания избежать боли неподвижности или иного неприятного ощущения. Приятно присесть после долгой дороги, но постоянно сидеть невыносимо. Приятно пройтись после сна или долгой неподвижности, но невыносимо постоянно ходить. Так *почти в любой момент нашей жизни мы испытываем боль*, проблема лишь в том, что мы не всегда осознаём эту боль. Вещи, согласно Учению Будды, являются страдательными, *дукха*, и это – одно из основных свойств вещей.

2. Невежественным является взгляд, согласно которому другие есть причина наших страданий, что было уже показано выше, в первой лекции. Великие святые древности жили в столь же скверных условиях, что и мы, они также имели своих недоброжелателей, завистников, ненавистников, врагов. Тем не менее, они пребывали в состоянии устойчивого, неомрачённого счастья. Разве было бы это возможным, если бы зло находилось *вне* человека? Итак, большая часть зла – внутри нас, она исходит из нашего несовершенства.

И святого, и обычного человека окружают одни и те же вещи, но сознание того и другого по-разному воспринимает и *оценивает* эти вещи. Если, будучи полны злобы, раздражения, гнева, мы войдём в переполненный автобус, своим гневливым сознанием мы обязательно выделим из толпы такого же сердитого, неприятного человека, и тут же исполнимся к нему ненавистью. Возможно, мы даже подерёмся с ним, а затем будем винить «этого хама» в наших страданиях. Если в тот же автобус мы вошли под действием яда гордости, мы будем свысока глядеть на всех окружающих, а любое оскорбление нашей гордости (например, подростки, которые отзовутся о нас или просто посмотрят на нас непочтительно), породит в нас гнев, раздражение и страдание. А в благодушном состоянии мы без всяких страданий доберёмся до конечного пункта, хотя в автобусе вместе с нами будут путешествовать и подростки, и сердитый господин.

3. Странно полагать, будто *любое* страдание человеку вредно. Избегание любого страдания есть чисто детская черта, свойственная современному неоязычеству и культу эгоизма. Монашеская жизнь для новичка, безусловно, является страданием. Многие медитации приносят страдание. Многочасовое слушание Учения, часто в одной и той же позе,

порождает страдание. Труд самодисциплины, преодоления своей похоти, жадности или гнева тоже связан со страданием. Но это – *то малое и относительно краткое страдание нравственного труда, которое позволяет преодолеть великое страдание сансары.*

4. Точно так же нелепо мыслить, будто *любое* страдание есть благо и путь духовного роста. Будь это так, тогда подопытные животные, которых учёные подвергают самым разным мукам, непременно достигли бы святости, равно как достигли бы её все заключённые, все нищие, голодающие, обиженные и несчастные. Этого, к сожалению, не происходит.

Ложная вера в то, что святость пропорциональна страданию, существовала ещё во времена Благословенного Будды: исповедовали её джайны, изнуряющие собственное тело. Победитель греха однажды спросил джайнов с добродушной иронией: Что, разве страдание – это какое-то вещество, про которое вы можете сказать: «Вот, ещё один кусок страдания преодолели, ещё одна часть святости приросла?» В другой сутре Лев Закона сравнил тех, кто без размышления бежит навстречу любому страданию, с людьми, которые, спасаясь от сырости дождя, заходят в реку.

Изложение истинной позиции

Есть, говорит Учение Будды, два вида боли: та, которую мы преодолеть не можем (например, боль отсечённой руки, боль смерти, боль голода на необитаемом острове и т. п.), и та, от которой мы можем избавиться.

Первую боль мы должны принимать со спокойной невозмутимостью, раз уж все равно мы не можем её избежать, и помнить о том, что нет никакой необходимости связывать страдание именно с физической болью. Увы, не каждый способен достичь столь высокой отрешённости, чтобы разъединить первую и вторую. Но, если мы и не достигли этой ступени, в этой нет ничьей вины, кроме нашей. Ранее мы имели время для практики религии, для упражнений в отрешённости, но не использовали это время должным образом, так кого же теперь винить?

В отношении второй мы должны приложить усилия, чтобы победить эту боль.

Если буддист болен, он должен вначале установить духовные причины своей боли, те мысленные яды, которые отравляют его организм и порождают яды физические. Боль в желудке порождается, например, обжорством, а та – алчностью. Так же есть заболевания, исходящие от гордости, от ненависти и т. п.

А затем верующий буддист должен принять лекарство, не поддаваясь

абсурдной мысли о том, будто его боль есть наказание от некоего всемогущего Бога и будто этому Богу его боль желанна.

Прочитав последний абзац, мы не должны осуждать верующих христиан и особенно христианских святых, устремлявшихся навстречу боли. Эти святые самые свои болезни превращали в опыт духовного роста, в ту благотворную боль, которая побеждает великое страдание. Если мы имеем достаточно мужества и силы воли, если исповедуем христианское вероучение, мы можем последовать их примеру. Любая боль, которая делает нас лучше и совершенней, благотворна, вот единственная мера её оценки. Буддизм, однако, предлагает и менее болезненные способы нравственного роста, и о вкусах, как говорится, не спорят. Но не следует в самоослеплении своей гордостью сравнивать свою боль от больных зубов со стигматами Франциска Ассизского или Терезы Авильской.

Если буддист страдает от скверных условий работы, от угнетения своим супругом, он должен сменить работу и, если только последнее не повредит иным людям, расстаться с супругом. Не сто́ит полагать, будто мы «заслужили» наше страдание. *Карма нейтральна в нравственном смысле*. Карма есть просто закон, подобный закону тяготения, нелепо думать, что этот закон всегда будет благ и справедлив, что он является «исполнением воли Божьей». Нелишне помнить, что, согласно буддийскому вероучению, за работой закона кармы следят *якши*, существа, имеющие полудемоническую природу, а никак не ангелы света.

Не сто́ит думать, будто страдание, которое мы терпим, каким-то образом «научит» окружающих: этого никогда не происходит. Речь здесь не идёт, конечно, о подлинном мученичестве. Настоящее мученичество есть акт великого мужества, который имеет огромную воспитательную силу. А унылое терпение капризов сварливой жены, жестокого мужа, злого ребёнка или начальника-самодура есть деяние бессилия, вредоносное и для того, кто его совершает, и для окружающих.

Не сто́ит ожидать за своё бесцельное страдание какой-то особой посмертной награды. Чем мы заслужили эту награду? Если некто желает быть ведомой на заклание овцой, никто не может ему воспрепятствовать. Но овца, если только она не агнец Божий, не должна полагать себя лучше и совершенней льва. Чем же она лучше? Тем ли, что даже для себя не сумела создать сносных условий существования, тем более избавиться от страданий других?

Если же нашей целью является наказание наших мучителей после смерти, то этой цели мы, конечно, достигнем. Но какая низкая цель для мыслящего существа! Насколько неприглядно полжизни терпеть мучения лишь для того, чтобы послать своего обидчика на раскалённую адскую сковороду! Обидчик этот, кстати, тоже является существом, достойным счастья и конечного Освобождения. Да, мужественная кротость

воспитывает, но покорное и бесполезное самоуничижение растлеивает окружающих, пробуждая в них желание принести нам ещё бóльшую боль. Таким образом, тот, кто предаётся бесцельному самоистязанию, оказывается повинен, помимо прочего, и в растлении человеческих душ: то, чем не стоило бы гордиться.

Реальность ада, необходимость битвы с силами зла

Конечно, бóльшая часть зла содержится в нашей голове и в нашем сердце. Всё же имеется и зло, внешнее по отношению к человеку.

Ад реален. («Как он может быть реален? – усмехался Фёдор Павлович Карамазов. – На какие же это железные крюки подвешат невесомую и бестелесную душу?») Нет, не на железные крючья её подвешат, а на крючья наших страстей, после смерти вполне вещественные и осязательные.) Сатана есть. Бесы существуют. Мы, буддисты, верим в это так же, как и любой христианин. И одной веры недостаточно: необходимо знать. Духовный опыт позволяет любому человеку воочию убедиться в реальности мирового Зла, разумеется, не для оттого, чтобы быть обольщённым им или вступить с ним в союз, а для того, чтобы приложить все усилия к победе над демоническим станом.

Во зле для взрослого и разумного человека не может быть ничего притягательного. И всё же именно в наше время зло особенно привлекает человека. Отчего? Возможно, оттого, что в несвободном мире лишь злое деяние даёт человеку ощущение свободы.

Если выбор той или иной марки автомобиля не способен существенно изменить жизнь, то уж убийство, кажется человеку, эту жизнь изменить способно. И оно действительно меняет жизнь – разумеется, в худшую сторону.

Говоря иным языком, во зле человека привлекает дерзание, возможности для которого в обычной жизни осталось так мало. Не нужно говорить, что гораздо лучше совершить *дерзание в благе*, сотворив нечто, что приносит людям хотя бы малое освобождение от страданий.

Зло обольстительно. Именно поэтому служители блага и само благо, которое они проповедуют, не должно выглядеть ханжеским, постным, унылым. Благо обязано быть привлекательным. Ему необходимо быть смелым и дерзновенным.

5. ОТНОШЕНИЕ БУДДИЗМА К МИРУ И РЕЛИГИИ

Мирская жизнь как иллюзия и обольщение

Окружающий мир обольстителен и представляет массу сетей для уловления сознания человека.

С самой юности человек прельщается той или иной целью, иллюзорно полагая в ней своё счастье. Одни видят это счастье в богатстве, другие – в завоевании расположения любимого человека, третьи – в благополучии семьи, четвёртые – славе, пятые – в знании. Но всякий из объектов, к которым влечётся человек, пустотен, то есть не содержит и не может содержать в себе нашего счастья, которое есть только внутри нас.

Всё, сказанное выше – прописная истина, из которой, однако, так часто делаются лонные заключения.

Ложная мысль о благотворности оставления мира в любой момент

Первое ложное заключение заключается в том, что, противопоставляя «плохой» мир «хорошей» религии, человек ложно полагает, будто в любой момент имеет право оставить неблагое (профессию, жену или мужа, детей), чтобы посвятить себя духовному труду.

Учение Будды осуждает побег из мира для всех тех, кто имеет на себе мирские обязательства и чей уход из мира принесёт страдания близким этого человека. Решение Будды в этом случае не может быть для нас примером. Благословенный Будда действительно покинул семью, но покинул для изыскания пути Освобождения от страданий всех людей, в том числе, и своих домашних. То малое страдание, которое Он нанёс близким Своим уходом из дома, не может идти ни в какое сравнение с огромной массой блага, изошедшего от Его Учения, не может сравниться с огромной массой страдания, которая ожидала бы мир, не просвещённый Учением Будды. Можем ли мы горделиво заявить, что благо миру от нашего ухода из семьи и оставления профессии сравнимо с благом от проповеди живого будды?

Те, кто внимательно изучал жизнеописание Будды, знают, что царство царя Шуддходаны в конце его жизни было завоёвано соседним царём. Спаслись лишь те родственники Будды, кто, повинувшись обаянию Его личности, ещё раньше вошёл в монашескую общину. Так «дурное» оставление семьи обернулось, в итоге, благом. Этот факт лишний раз указывает на то, насколько обманчив внешний вид поступков Пробуждённых. Но будет ли верное в случае Будды верно также в случае каждого современного человека? Конечно, нет.

Опасности религиозной жизни

Второе ложное заключение – это мысль о том, что *любая* форма религии и любое занятие религией безусловно лучше любого мирского занятия, если уж религия есть дверь к Освобождению.

Проблема состоит в том, что сама религия часто становится не механизмом человеческого освобождения, а *новой сетью для нашего уловления* и удержания в сансаре.

Когда мы приходим в религию, нас привлекает внешняя её сторона: культ, последовательность службы, тексты молитв, ритуальные жесты и действия, предметы и одежды. Многие с энтузиазмом совершают религиозные обряды и нетерпимо относятся к нарушению «чина». Для многих на этом религия и завершается. Разумеется, и обряды имеют своё значение, нельзя недооценивать их влияние на воспитание добродетели, ни в коем случае нельзя вовсе пренебрегать ими, но ставить их выше самой религии так же нелепо, как поклоняться лодке вместо того, чтобы плыть на ней.

По прошествии нескольких лет нас привлекают уже не обряды, а религиозное знание, знание об устройстве Вселенной, которое, кажется, даёт ответы на все вопросы. Но и это знание, как ни полезно его изучать, не следует считать высшей целью, до тех пор, пока оно не даст нам ответа на самый главный вопрос: как стать счастливым и достигнуть конечной свободы? Ставящий знания превыше религиозной практики подобен человеку, который наизусть выучил инструкцию к использованию моторной лодки, но так и не решился в эту лодку сесть.

И даже когда мы приступили к собственно религиозной практике, то есть к практике нравственного совершенствования, нас подстерегает множество опасностей. Они подобны отмелям или рифам, на которые может натолкнуться лодка неумелого владельца.

Это – опасность возгордиться, посчитать себя лучше прочих людей и, в результате, оказаться гораздо хуже.

Это опасность, развив в себе духовные задатки, приоткрыв свой умственный слух, поддаваться обольщению тех, кто постоянно бодрствует – бесов разных видов и родов, – и, в итоге, пасть гораздо ниже, чем может пасть обычный человек.

Когда человек вступает на путь нравственного роста, когда усиленно устремляется к Освобождению, всё, спящее на дне его души, пробуждается: просыпается и хорошее, и дурное. Если дурное в душе этого человека сильнее хорошего, ему не выиграть битву с внутренним и внешним злом.

Отношение к практикам, монахам и религиозным наставникам (ламам)

Именно поэтому религиозному практику не сто́ит считать себя лучше и совершенней «обычных» людей. По той же причине монах в буддийской традиции не должен считать себя совершенней мирянина.

Однако мирянин должен относиться к монаху со всем подобающим уважением. Монах есть человек, севший в лодку борьбы с грехом. Возможно, он достигнет другого берега. Может быть, его лодка затонет вместе с владельцем, и после смерти монах окажется в аду столь ужасном, что мирянин никогда и вообразить себе не сможет ужасов этого ада. Но дерзание его внушает глубокое уважение, нельзя не желать монаху успеха в его суровом единоборстве.

По иной причине следует трепетно относиться к ламе. Лама есть человек, который указал нам лодку и разъяснил, как следует держать вёсла и руль. Лама уже плывал до ближайшего острова и успешно возвратился. Вы можете предпринять путешествие и без ламы, но ваши шансы на успех при этом куда меньше.

Может случиться и так, что лама никуда не плывал, а просто стоял на берегу. Может быть, он и сам не умеет обращаться с лодкой. С таким ламой вы, скорее всего, не достигнете успеха. Ничто, ни один диплом или сертификат, ни один ритуал не может быть гарантией умелости ламы. Ничто не является такой гарантией, кроме собственного опыта ламы, кроме того, что вы видите своими глазами. Бесплезно винить скверного ламу, утопившего вас. Его ответственность лежит на нём, но вы выбрали плохого лоцмана сами.

Если же вы сели в лодку Учения, доплыли до ближайшего острова и успешно вернулись, вы можете дерзнуть сами стать лоцманом, дверью к Учению, ламой. Ни один буддийский иерарх в мире не может вам этого запретить. И наоборот, даже разрешение наставлять других, полученное от более опытного учителя, признанного иерарха буддизма или самого Его Святейшества Далай-ламы, ещё отнюдь не является гарантией того, что вы стали мастером. Если, в результате вашей неумелости, вы опрокинете лодку с вашими учениками и утопите их, всю тяжесть ответственности за это понесёте только вы сами. Не рискуйте становиться лоцманом, пока не будете уверены в своём умении: лодка неустойчива, ветер силён, и отмелей больше, чем вы можете сосчитать.

*3.10.2011.
19.10.2012.*

Б. С. Гречин

ОСНОВЫ БУДДИЙСКОЙ ЭТИКИ И ДОГМАТИКИ

Конспекты лекций

Местная буддийская религиозная организация «Буддийская
община «Сангье Чхо Линг»» г. Ярославля

Подписано в печать 22.11.2016. Формат 60х90/16.
Гарнитура Times New Roman. Тираж 50 экз.